

The top of the cover features a close-up of the Italian flag, showing the green, white, and red vertical stripes with a wavy, draped texture.

ДОН КОРЛЕОНЕ И ВСЕ-ВСЕ-ВСЕ

UNA STORIA ITALIANA
АНДРЕЙ СМИРНОВ

Андрей Смирнов

**Дон Корлеоне и все-все-
все. Una storia italiana**

«Издательские решения»

Смирнов А.

Дон Корлеоне и все-все-все. Una storia italiana / А. Смирнов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855508-4

Италия — не то, чем она кажется. Её новейшая история полна неожиданных загадок. Что Джузеппе Гарибальди делал в Таганроге? Какое отношение Бенито Муссолини имеет к расписанию поездов? Почему Сильвио Берлускони похож на пылесос? Сколько комиссаров Каттани было в реальности? И зачем дон Корлеоне пытался уронить Пизанскую башню? Трагикомический детектив, который написала сама жизнь. Книга, от которой невозможно отказаться.

ISBN 978-5-44-855508-4

© Смирнов А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Союз усов и бороды	8
Глава 2. Вернись в Сорренто	20
Глава 3. Необыкновенный фашист	30
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дон Корлеоне и все-все-все Una storia italiana

Андрей Смирнов

Роберте и Лепре, без которых не было бы этой книги.

Прежде всего вы должны понять одну вещь: ваша Italy – это не наша Italia. Italy – лёгкий наркотик, распространяемый в предсказуемых формах: холмы на закате, оливы и лимоны, белое вино и черноволосые парни. Меж тем Italia – это лабиринт. Очаровательный, но сложный. Есть риск блуждать в нём годами. Получая бездну удовольствия, разумеется.

Бeppe Северини, «Голова итальянцев»

Дизайнер обложки Michael Corvin

© Андрей Смирнов, 2019

© Michael Corvin, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4485-5508-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Италия, наши дни.

Он распахивает глаза, резко приподнимается, судорожно хватается ртом воздух. Нет, ничего. Всего лишь кошмарный сон. Вновь откидывается на подушку, некоторое время лежит неподвижно. Нашупывает на тумбочке пачку сигарет, делает пару затяжек, встаёт, шлёпает в ванную. Открывает воду, поднимает глаза к зеркалу. Смуглая кожа, густые брови, трёхдневная щетина, глубокие залысины, которые он маскирует, брея голову под ноль. Типичный тридцатисемилетний неаполитанец. Накинув халат, он выходит в гостиную.

Его ждут.

Две массивные фигуры в бронежилетах расположились в креслах. На журнальном столике лежит автомат. Это его не удивляет. Он спокоен. За десять последних лет, с тех пор как ему был вынесен смертный приговор, сохранять спокойствие он научился отлично...

Впрочем, мы поспешили, заглянув уже в самый конец истории. Чтобы понять, как и почему наш герой оказался в этой комнате, нам придётся совершить большое путешествие. Пройти через годы, посетив по дороге самые разные уголки Италии и всего мира, познакомиться со множеством персонажей, ни один из которых не является плодом авторского вымысла, и попытаться распутать хитросплетение связывающих их друг с другом реальных событий.

Начиналось же всё почти два столетия тому назад.

Первая половина XIX века, Неаполь, Королевство обеих Сицилий.

Шумная рыночная площадь: торговцы в маленьких лавках, разносчики, зазывалы, нищие, проститутки, дети, бродячие артисты. Прямо на земле идёт игра в кости. Всё очень бедно и, скажем откровенно, не слишком чисто.

Голоса стихают, толпа почтительно расступается. Сквозь неё, не обращая ни на кого внимания, шествует человек. Роскошный, с иголки костюм по последней моде, золотые перстни и цепи, жёсткое, самоуверенное, покрытое шрамами лицо. Большие пальцы рук заложены за проймы жилета.

Кто он? Аристократ? Быть может, даже принц, член королевской фамилии? Ровно наоборот. Его родители были нищими. Организатор игры в кости подбегает к нему, с поклоном вручает позвякивающий кошелёк. Человек равнодушно принимает подношение.

А!.. Так он, должно быть, бандит, собирающий дань!.. Но попробуйте поделиться этой догадкой с наводняющими площадь людьми. Если повезёт, и вас не начнут бить сразу, то, во всяком случае, укажут на недопустимость подобных высказываний. Для них он – кумир и благодетель. Каждый обитатель квартала, от честного ремесленника до прожжённого вора, случись что, пойдёт к нему в поисках защиты и справедливого суда... Кто сказал «полиция»?.. Ну да, и полицейский тоже пойдёт именно к нему. Ибо его слово – и есть закон.

Эй, ломи шапку, заезжий сицилиец! Это тебе не твой привычный деревенский донкорлеон. А тонкая столичная штучка: каморрист.

Существует множество гипотез о происхождении Каморры. По наиболее распространённой из них, средневековые протокаморристы были обычной наёмной городской стражей. Затем, с течением времени, перешедшей на самоокупаемость и хозрасчёт. К XIX веку они

сохранили за собой полицейские функции, превратившись в некий гибрид американских шерифов и советских народных дружинников.

В каждом неаполитанском квартале имелся так называемый *guarro*, который следил за соблюдением общественного порядка, приходил на помощь жителям, в случае если им угрожали залётные бандиты, и разрешал конфликты. На должность его никто не выбирал. Для самоназначения на пост достаточно было обладать решительным характером и мастерски владеть ножом. В благодарность же за труды обитатели квартала позволяли ему взимать дань с организаторов азартных игр. Хотя «позволяли» – не слишком подходящее слово. Кто б их, обитателей, вообще спрашивал? Неаполь, однако, – город большой и полный лиходеев всех мастей. А посему торговцы и ремесленники по собственной инициативе несли участковому каморристу трудовые дукаты, за защиту и протекцию.

«Большой город». Вот ключевое словосочетание для понимания феномена Каморры. Если, скажем, сицилийская мафия – явление изначально сельское, закрытое семейное предприятие, не нуждающееся в рекламе и внимании посторонних, то чтобы преуспеть в подобного рода делах в городе, с его высокой плотностью населения и постоянно меняющимися лицами, нужно быть заметным, нужно быть на виду.

Роскошное одевание *guarro* – не только дань моде. Но и спецодежда, костюм супергероя. Ведь если ты будешь выглядеть как обычный человек, – вдруг кто-то по незнанию или ошибке тебя оскорбит? Незадачливого горемыку придётся сразу же убить. Нельзя сказать, что эта печальная необходимость каморриста хоть сколько-нибудь смутила бы. Он с большим удовольствием брался за нож. Даже процедура вступления в *Bella Società Riformata*, созданное в 1820 году подобие профсоюза *guarro*, предусматривала банкет, а затем – ритуальную дуэль на холодном оружии. В этом смысле они копировали замашки дворянства, полагая, что шпаги и ножи – выбор мастеров. Но что если потенциальный покойник сам окажется незнакомым каморристом из соседнего района? Возникнут лишние проблемы и сложности. Избежать их, вероятно, позволил бы нагрудный значок «Хочешь умереть? Спроси меня как!» Увы, но подавляющее большинство неаполитанцев совершенно не умело читать.

В общем, всех всё устраивало. Бедняки, которыми и являлось всё население за исключением аристократии, обретали чувство защищённости и уверенности в завтрашнем дне; каморристы получали от бедняков деньги, по их собственному выражению: *sasciavano l'oro dai pidocchi* – добывали золото из вшей; королевская династия Бурбонов – имела возможность освободить полицию от выполнения скучных обязанностей по поддержанию общественного порядка, направив её усилия в гораздо более полезное русло: политический сыск.

Бурбонам было чего опасаться. Королевство обеих Сицилий стояло на пороге катастрофы. Уже недалёк был день, когда его границы пересечёт воинство Красного дьявола. День, в который мафия и политика впервые с интересом взглянут друг на друга. День рождения современной Италии.

Глава 1. Союз усов и бороды

Звучит странно, но Италия – едва ли не самое молодое государство в Западной Европе. Ещё каких-то сто семьдесят лет назад его попросту не существовало на карте.

Итальянцы – были. Итальянская культура – имела. Даже итальянский язык Данте Алигьери уже изобрёл, хотя в 1861 году говорили на нём, по разным оценкам, от двух с половиной до десяти процентов обитателей Апеннинского полуострова. А вот с итальянским государством дела обстояли из рук вон плохо. Территория будущей страны представляла собой мешанину из квази— и полунезависимых королевств и герцогств под австрийским, французским и испанским протекторатами.

К середине XIX века политико-географическая диспозиция, в общих чертах, выглядела так.

На северо-западе, там, где располагаются современные Пьемонт, Лигурия и Сардиния, находилось Сардинское королевство, в котором правила Савойская династия, а управляли те из великих держав, кому было не лень. Потому границы его менялись так стремительно, что отнюдь не лишним было поинтересоваться с утра у соседей: а в каком, дескать, территориально-правовом образовании мы сегодня живём?

На северо-востоке лежало государство под названием Ломбардо-Венецианские Кёниграйх, в котором, как несложно догадаться, правили и управляли австрийцы.

Юг полуострова занимало Королевство обеих Сицилий. Строго говоря, Сицилия и в те времена была только одна, но итальянцы, особенно южные, склонны к преувеличениям. Простим им эту маленькую слабость. Правила там династия Бурбонов, которые были испанцами, а управляла мафия.

Посередине же этого лоскутного одеяла, помимо всякой мелочи, красовалась независимая Папская область. В Папской области был Рим, в Риме – Ватикан, в Ватикане – папа, в папе... нет, стоп. Это уже лишние подробности. Правил всей конструкцией папы, а управляли попы.

Такая ситуация совершенно не устраивала прогрессивную часть итальянской общественности, именовавшую себя Carboneria. Это про них у Грибоедова:

*Ах божже мой! Он карбонарий!
Он вольность хочет проповедать!*

Карбонарии полагали, что вольны иметь единое национальное итальянское государство с республиканской формой правления. То и дело, размахивая ружьями и саблями, они собирались под окнами королевских дворцов, дабы прочесть их квартирантам соответствующую тематическую проповедь. Местные самодержцы, однако, к республиканским идеям относились скептически, запрашивая совета и помощи у самодержцев иностранных.

– Но как же так?! – возмущались карбонарии, погибая под картечным огнём подоспевших международных миротворческих контингентов. – Мы же делаем лучшую в мире обувь. А наш собственный итальянский сапог – разодран на клочки! Хватит это терпеть!

Короче говоря, Италии требовался сапожник. Требовался герой.

15 августа 1769 года в семье итальянских патриотов, мужественно сражавшихся в тот момент против очередной французской оккупации, родился мальчик, которому самым провидением было предназначено стать объединителем нации. Увы, но эта первая попытка закончилась плохо. Мальчик слишком рано увлёкся чтением фривольных французских романов и потому вырос хилым, болезненным и низкорослым. Но это было ещё полбеда. Настоящая проблема заключалась в том, что он всё перепутал: вместо того чтобы стать героем Италии,

по ошибке стал императором Франции. Звали его Наполеоне Буонапарте. Но наш рассказ вовсе не о нём. Пускай его, так уж и быть, забирают себе французы. Не больно-то и хотелось. Нам же он интересен исключительно тем, что этот великий путаник зачем-то временно оттяпал в пользу Франции часть Пьемонта и Лигурию. Вместе с Ниццей.

А там, в Ницце, 4 июля 1807 года родился другой мальчик. Которому суждено было превратиться в величайшего итальянского патриота всех времён. И который по иронии судьбы явился на свет гражданином Франции, носившим французское имя Жозеф-Мария.

Едва научившись ходить, Маша без промедления приступил к совершению подвигов. Уже в возрасте восьми лет он вытащил из моря утопающую прачку. Процесс спасения на водах захватил его настолько, что, вместо посещения школы, он целыми днями торчал на пляже, рассматривая в подзорную трубу морские просторы. В результате к четырнадцати годам успел выудить из волн более дюжины человек. Историки не уточняют, то ли в те времена в Ницце тонуть было настолько модно, то ли окрестные прачки при виде красных плавок и мускулистого торса юного спасателя целенаправленно бросались в пучину вод.

Памятуя о судьбе Наполеона, Машины родители, разумеется, никак не могли одобрить этого весёлого прачечного бултыхания. И от греха подальше определили сына в корабельные юнги. Вскоре шестнадцатилетний Маша отправился в первое большое плавание на торговом судне под русским флагом. Перед расставанием отец сказал ему:

– Сын мой, настало время открыть тебе правду. Во-первых, ты не француз, ты – итальянец. Во-вторых, ты не Жозеф-Мария. Тебя зовут Джузеппе!

– Папаша, – воскликнул бывший Маша, – где ж вы раньше-то были?!.. Французы уже девять лет, как Ниццу Сардинскому королевству вернули. Это ж получается – я зазя всё это время на Марию откликался?!.. Ну да ничего... Зато теперь, как и все приличные люди, я могу сражаться за объединение Италии!

И с этими словами наш герой отчалил в направлении Одессы и Таганрога. В судовой роли свежее испечённый русский моряк значился как «юнга Джузеппе Гарибальди, итальянец».

Без малого десять лет носился Гарибальди по волнам Средиземного, Чёрного и Азовского морей, пройдя путь от юнги до морского капитана второго класса.

В 1827 году его судно было трижды атаковано греческими пиратами, потырившими у мореплавателей всё, вплоть до одежды. Поживаясь от холода, Джузеппе поинтересовался у своего тогдашнего капитана, тоже голого: почему, дескать, они даже не попробовали сопротивляться? Капитан отвечал в том смысле, что, во-первых, пираты – опасные люди и могут их всех убить, а, во-вторых, тут, на Средиземном море, вообще так не принято.

Вскоре все, включая пиратов, забыли об этом инциденте. Но наш герой – не забыл. В 1832 году, когда корсары вновь попытались взять на abordаж судно Гарибальди – теперь уже капитана Гарибальди! – тот лишь пожал плечами и встретил их ружейным залпом.

– Так нечестно!.. Тут так не принято!.. – кричали пираты, улётывая обратно в Грецию и беспорядочно стреляя в ответ.

Так Гарибальди обезопасил морские пути от разбойников, а заодно получил первое боевое ранение.

Ещё до того, в 1828 году, Гарибальди приплыл в Константинополь. И застрял там на пару лет, поскольку некстати разразилась очередная русско-турецкая война. Всё это время Джузеппе работал преподавателем итальянского языка. Не очень понятно, правда, где он находил турок, желавших его изучать. Особенно если вспомнить приведённый выше процент итальянцев, которые этим языком в ту пору владели. Впрочем, зная деятельный характер и кипучий патриотизм нашего героя, совершенно не удивлюсь, если он загонял студентов на лекции силой оружия. Так Гарибальди создал первый в истории Институт итальянского языка и культуры за рубежом.

В 1833 году, во время очередного посещения Таганрога, Гарибальди получил пренеприятнейшее известие: в Италии объявился конкурирующий национальный герой. Нового претендента звали Джузеппе Маццини. По профессии он был революционером и первым додумался провести ребрендинг общества Карбонариев, которое его стараниями теперь именовалось *Giovane Italia* – «Молодая Италия». Перестав ассоциироваться с рецептом приготовления спагетти, бывшие карбонарии сразу же обрели столь широкую народную поддержку, что их общественные приёмы открылись даже здесь, в границах Российской империи.

Гарибальди поспешил ознакомиться с программными положениями младоитальянцев. И облегчённо вздохнул. Во-первых, выяснилось, что никакой конкуренции, собственно, и нет. Маццини был героем-теоретиком и предпочитал сидеть не на баррикадах, а в уютных кафе Женева и Лондона. Там он мог без помех дискутировать о бродящих по Европе революционных призраках с обитавшем в соседнем подъезде Карлом Марксом. Во-вторых, маццинианские национально-освободительные, республиканские и антиклерикальные идеи понравились Гарибальди настолько, что отныне ему, герою-практику, не терпелось поскорее приступить к их воплощению в жизнь. Так Гарибальди умудрился почерпнуть в России революционную идею едва ли не раньше самих русских революционеров.

В конце этого же 1833 года Гарибальди начал службу по призыву в военно-морском флоте Сардинского королевства, обязательную для торговых моряков того времени. Впрочем, карьера его на этом поприще длилась всего тридцать восемь дней. На февраль 1834 года в Пьемонте было запланировано вооружённое восстание под общим дистанционным руководством Маццини. Революционный матрос Гарибальди, насвистывая «Эх, яблочко», без промедления отправился на главную площадь Генуи. Где выяснился неприятный факт: кроме него на революцию никто не явился.

Те из вас, кто знаком с географией Италии, сейчас, быть может, воскликнули: «Погоди, но ведь Генуя не в Пьемонте! Неудивительно, что он там никого не обнаружил». Загадка разрешается просто: Гарибальди был моряк. А в Пьемонте моря нет. Зато оно очень даже есть в Генуе. Так что всё логично. Тем более что в процессе теоретических построений Маццини как-то совсем упустил из виду необходимость пригласить на революцию широкие народные массы. Потому и в Пьемонте совершать её пришлось всего около сотни человек, большую часть которых составляли туристы из Франции и почему-то Польши. И хватило четырёх десятков полицейских, чтобы всех разогнать.

Как бы там ни было, это избавило Гарибальди от тягот дальнейшего прохождения службы, благо за попытку поднять антикоролевский мятеж его заочно приговорили к смертной казни. На корабль он решил не возвращаться и сбежал в Марсель. Оттуда уплыл в Чёрное море, а затем в Тунис. Как вы уже догадались, сто вёрст для него было – вообще не крюк.

В это время в Марселе разразилась страшнейшая эпидемия холеры. Несчастные больные марсельцы сидели на берегу и с тоской глядели в море.

Но чу!.. Что это за корабль на всех парусах летит к причалу?.. Что за человек в белом докторском халате стальной хваткой сжимает его штурвал?.. Смотрите, смотрите же!.. Это Гарибальди!

Едва припарковав корабль, наш герой со всех ног бросился к марсельцам. И всем по порядку давал шоколадку и ставил, и ставил им градусники. Как мы знаем из выпусков новостей, Марсель населяют преимущественно афрофранцузы. В процессе своего излечения они рассказали Гарибальди, что их афрособратьев в Америке линчуют. Джузеппе пришёл в ярость. Когда спустя пятнадцать дней эпидемия была наконец-то побеждена, он, не теряя ни минуты, запрыгнул обратно на корабль, сделал полицейский разворот и помчался к берегам Нового Света.

Может, конечно, ему и не очень хотелось тащиться в такую даль. Но он чувствовал необходимость помочь грядущим поколениям итальянских школьников, которым на экзамене попадётся вопрос: «Почему Гарибальди называют Героем двух миров?»

Неизвестно, как сложилась бы судьба США – да и всей остальной планеты, – если бы Гарибальди туда доплыл. Скорее всего, языком межнационального общения сейчас был бы не английский, а итальянский. Однако, как и все великие лигурийские мореплаватели, для которых поехать в Индию, а приехать в Америку было делом совершенно обычным, Гарибальди был слегка рассеян. Встречать его судно вышли не ковбои и индейцы, а полтора миллиона добрых мулатов. И все поголовно в белых штанах. «Да, это Рио-де-Жанейро!» – сказал себе Джузеппе и отправился на поиски кого-нибудь, кого можно было бы спасти от угнетения.

Долго искать не пришлось. Император Бразилии, носивший неожиданное для бразильца имя Педро Второй, в тот момент как раз угнетал свободолюбивых повстанцев Республики Пиратини. Гарибальди пришёл к вождям народно-освободительного антипедровского движения и заявил, что тоже желает стать революционным морским пиратинцем. Те незамедлительно вручили ему ключи от «Маццини» (не человека, а парохода) и дюжину отборных головорезов итальянского происхождения. С тех пор бразильские имперские торговцы не знали ни минуты покоя. Гарибальди брал на бордаж каждое их судно, отбирал у богатых рабовладельцев чёрных невольников и отдавал их бедным.

Летом 1837 года корабль Гарибальди повстречался с уругвайским военным крейсером. Увы, но уругвайские моряки не учились в школе, не читали учебников истории и потому не знали, кого атакуют. В противном случае они, разумеется, в ужасе бежали бы с поля боя. Гарибальди попытался указать им на ошибку, произнеся речь о важности всеобщего обязательного среднего образования, но упал, сражённый уругвайской пулей.

Сообразив, что они натворили, уругвайцы пришли в замешательство. С одной стороны, это же был сам Гарибальди. Следовательно, ему полагалось воздвигнуть памятник и организовать соответствующий музей. С другой – он всё же был пиратом. Значит, неплохо было бы его повесить. До выяснения всех обстоятельств Гарибальди отправили в ссылку-санаторий в аргентинскую деревню Гуалегуай, где его вылечили, обучили испанскому языку и верховой езде. Среди женской части местного населения Джузеппе произвёл истинный фурор, ибо далеко не каждый день в тех богом забытых местах появлялся настоящий живой итальянец.

Через семь месяцев общество провинциальных кумушек осточертело Гарибальди настолько, что он решился на побег. Его изловили, вернули обратно и подвергли пыткам. А именно: покусали москитами. Нет, я не выдумываю, это исторический факт. Возмущённые столь бесчеловечным обращением с их любимым Гарибальдичкой, кумушки сформировали штурмовые отряды и осадили тюрьму. Увидав, что ещё немного – и они своими руками сделают из Гарибальди лидера первой в истории матриархальной революции, власти спешно его отпустили, а чуть позднее и вовсе отправили назад в Пиратини.

Дела тамошних повстанцев обстояли плохо. Воспользовавшись отсутствием Гарибальди, империя нанесла ответный удар, отобрав у них все морские порты. Лишившиеся выхода к морю пиратинцы испытывали острую нехватку оружия и продовольствия.

Прибыв на место и оценив ситуацию, Джузеппе срочно построил два корабля, запряг их парой сотен волов, поднял все паруса, скомандовал: «Полный вперёд!» – и поехал к океану прямо по суше. Когда до имперцев дошли слухи, что Гарибальди изобрёл парусные танки, – они напряглись. Но в совершеннейший ужас впали, когда гарибальдийская эскадра наконец благополучно достигла моря – относительно благополучно, поскольку один из кораблей отважный сушеплаватель при спуске на воду всё же утопил – и атаковала портовый город Лагуна. В пять раз превышающие гарибальдийцев по численности имперские штурмовики обратились в бегство. В панике даже забыв сообщить куда следует о том, что повстанцы взяли порт. Потому

император Педро ещё долго продолжал слать в Лагуну – прямиком в руки Гарибальди – транспорты с оружием и провизией.

Кстати, в этот момент была одержана и другая победа: бразильские кумушки с разгромным счётом выиграли у кумушек аргентинских битву за самого Джузеппе. Донна Анна Мария ди Жесус Рибейру да Сильва стала Анитой Гарибальди, бросив ради такой okazji старого, скучного и надоевшего мужа. В сентябре 1840 года у них родился первенец, Менотти. Анита справедливо полагала, что глухая бразильская деревня – не лучшее место для патриотического воспитания ребёнка. Гарибальди принялся искать должность героя в каком-нибудь крупном городе и вскоре переехал в Монтевидео, в Уругвай.

Там как раз шла гражданская война. Плохие, глупые и злые уругвайцы, которые назывались «Бланкос» – поскольку любили белый цвет, всячески обижали хороших, умных и добрых уругвайцев, называвшихся «Колорадос» и предпочитавших цвет красный. Гарибальди получил звание колорадского полковника, а вместе с ним – форменную красную рубаху и форменную же окладистую бороду. Эти мужественные атрибуты на всю оставшуюся жизнь станут для него чем-то вроде треуголки Наполеона.

На стороне Бланкос в войну вступили аргентинцы, подстрекаемые своими кумушками, которые не могли смириться с проигрышем бразильянкам в гарибальдибол. Восемь лет, с 1843 по 1851 год, аргентино-бланковские войска осаждали Монтевидео. Осаждали, судя по всему, плохо. Гарибальди, ставший к тому времени главой колорадского военно-морского флота, вообще не замечал этой осады, регулярно уплывая на прогулки по реке Парана, во время которых экспроприировал в пользу революции всё, что плохо лежало на её, реки, берегах. То, что лежало хорошо, он тоже экспроприировал, просто с чуть большими трудностями.

Прознав, что быть уругвайским патриотом – очень выгодное занятие, к Гарибальди присоединились и другие итальянцы, из которых он сформировал аж целый Итальянский легион. Патриотничали они под чёрным флагом, символизирующим не то, о чём вы подумали, а, цитирую: «Везувий во время извержения». При виде такого количества настоящих итальянцев кумушки обеих стран пришли в совершеннейший восторг и не упустили случая использовать подвернувшуюся возможность. В результате тридцать пять процентов современных уругвайцев и сорок семь процентов аргентинцев имеют итальянские корни.

Воевал Гарибальди не только на море, но и на суше. Если разбудить посреди ночи любого итальянского школьника и спросить: «Где Гарибальди одержал свою первую великую сухопутную победу?» – тот без запинки ответит: «В битве при Сан-Антонио!»

Великая битва выглядела так. Гарибальди, возглавлявшего в тот момент отряд из двух-трёх сотен итальянских легионеров, окружила тысяча аргентинцев. Он засел на полуразрушенной вилле вблизи городка Сан-Антонио и целый день отстреливался от атакующих врагов. Ночью же, когда аргентинцы пошли спать, скрылся в неизвестном направлении, оставив противника с носом и в дураках. Так впервые проявился тактический гений Гарибальди, ничуть не уступавший, как легко заметить, гению фельдмаршала Кутузова.

Анита меж тем тоже не теряла времени даром, производя на свет будущих итальянских патриотов. Когда количество отпрысков достигло четырёх экземпляров, счастливые родители задумались о том, что детям следует дать качественное европейское образование.

Тут как раз удачно совпало, что вдохновлённый французской революцией 1848 года Маццини (человек, а не пароход) принялся трезвонить во все лондонские колокола, до каких только смог дотянуться, разбудив лучшие патриотические чувства итальянцев, а заодно и нехоти подвернувшегося под руку Герцена. И по всему Апеннинскому полуострову запылали вооружённые восстания.

Полюбовавшись из окна на зарево революционного пожара, король Карло Альберто Савойский вышел к народу и сказал:

– Граждане, только без рук! Я всё осознал и исправился. Во-первых, вот вам конституция имени меня – Альбертинский статут. Во-вторых, поелику я теперь прогрессивный конституционный монарх, то супротив нужд и чаяний народных пойти не могу. Раз уж вам не нравится иностранное владычество над значительной частью итальянских земель, – тогда, так уж и быть, ваш нежный, ваш единственный, я поведу вас на австрийских оккупантов. А заодно, пользуясь случаем, мы прогоним этих замшелых абсолютистов, других королей. Да здравствует объединённая Италия! Да здравствую я, её будущий властелин!

Маццини, у которого Карло прямо из-под носа умыкнул республиканскую революцию, схватился за голову и лично побежал на место событий, спасти положение. Слишком поздно. Первая война за независимость Италии между Сардинским королевством и Австрийской империей уже началась.

Гарибальди меж тем резко вспомнил, что всю жизнь ненавидел венские штрудели так, что аж кушать их не мог, запрыгнул на корабль и в июне 1848 года выгрузил на пристань в Ницце багаж, состоящий из семьи, чемоданов и шестидесяти трёх легионеров в красных рубахах. После чего явился к Карло Альберто и отпрапортовал, что он, дядюшка Джузеппе, приехал из Бразилии, дабы воевать с австрийцами. Нельзя сказать, что король от этой информации пришёл в восторг. На Гарибальди, в своё время пытавшегося его свергнуть, он был всё ещё несколько обижен.

– Подумаешь! – сказал Джузеппе. – Это всё пустяки, дело житейское. Главное, что мы с тобой создаём Италию! Италию, Карло!

Под напором столь убедительной аргументации король нехотя сдался и Гарибальди простил. Тот вышел на тропу войны с австрийцами и обнаружил, что её перегораживает запыхавшийся Маццини.

– Стой, куда?!.. Не пущу! – кричал тот, расставляя руки в стороны. – Зачем ты сражаешься за монархию? Ты же предаёшь наши общие республиканские идеалы. Не верь королям, даже конституции приносящим. Не советую. Съедят!

Стоит признать, совет был дельным. Глупый и злобный Карло Альберто уже передумал и решил Гарибальди арестовать. Но такие мелочи нашего героя отродясь не смущали. Наплевав на придворные интриги, он бросился на линию огня и... Нашла коса на камень.

Австрийцы применили секретное оружие: натравили на Гарибальди собственного национального героя, постигавшего науку побеждать под командованием аж целого Александра Васильевича Суворова ещё в те времена, когда этот последний ходил в свой знаменитый Итальянский поход. Того самого Йозефа Радецкого, столь популярного среди бравого солдата Швейка:

*Граф Радецкий, воин braveй,
из Ломбардии лукавой
клялся вымести врагов.*

Собственно, этим врагом и был Гарибальди. Будучи пусть и талантливым, но самоучкой, выпускнику суворовского военного училища он противопоставить ничего не смог. Радецкий клятву сдержал и успешно вымел Гарибальди в Швейцарию. Восхищённо наблюдавший за процессом выметания император Всероссийский Николай Первый на радостях пожаловал австрийскому маршалу почётную должность шефа Белорусского гусарского полка.

Раз уж совладать с австрийцами не вышло у самого Гарибальди, то у Карло Альберто шансов не было и подавно. В 1849 году, с треском проиграв войну, он отрёкся от сардинского престола в пользу сына, Витторио Эмануэле Второго, и уехал отдыхать в Португалию. Витто-

рио был своему глупому папаше не чета. Всякий, кто видел его роскошные усы, сразу же понимал: этот король – что надо король! Но к ним, к усам, которые ещё сыграют решающую роль в истории Италии, мы вернёмся чуть позже.

Маццини же, призывая чуму на все монархии дома мира разом, ретировался в Папскую область. Папа римский – пусть и вполне самодержец, но всё ж хотя бы не король. Тем более что взошедший за три года до того на Святой Престол Пий IX изображал из себя папу-либерала. Учредил светский государственный совет, издал конституцию, помиловал политзаключённых, разрешил плюрализм мнений, свободу прессы и даже вероисповедания. Маццини поспешил воспользоваться оказией и начал обустривать Римскую республику.

Но тут в Вечный город заявился отдохнувший в Швейцарии Гарибальди в свежестриженной красной рубаше. И сообщил римлянам, что религия – опиум для народа, а всех попов хорошо бы развешать на фонарных столбах. Папе эта его идея как-то не очень понравилась, он резко передумал быть реформатором и отправил письмо Наполеону – другому Наполеону, уже Третьему, племяннику знаменитого дяди, – в котором слёзно умолял спасти его, папу, от Красного дьявола. Наполеоновский племянник выслал на подмогу корпус из пятнадцати тысяч французских солдат.

– Маццини предлагает сдаться! – сказал Маццини.

– Дядя Пиппо, ты дурак? – поинтересовался Гарибальди. – Я ж Гарибальди. Гарибальди не сдаётся!

И приступил к героической обороне Рима с помощью устрашающей и смертоносной тактики, отработанной ещё в Сан-Антонио. А именно: забрался на холм Джаниколо неподалёку от Ватикана и почти целый месяц наотрез отказывался оттуда слезать.

– А Гарибальди выйдет?!.. – каждое утро кричали снизу французы.

– O Roma o morte! – Рим или смерть! – твёрдо отвечал им итальянский герой, цитируя собственные слова, что начертаны у подножия его, Гарибальди, конной статуи, удачно расположенной как раз на вершине Джаниколо.

Попавшие в столь хитроумную ловушку французы трепетали и запрашивали подкреплений. С юга к Риму приближались восемь с половиной тысяч бурбонских и девять тысяч испанских солдат. С севера же – что было гораздо хуже – маршем подходили австрийские чудо-богатыри Радецкого. На этого почётного белоруса, как мы помним, у Гарибальди была острая аллергия. Потому, не дожидаясь его прибытия, в начале июля 1849 года Джузеппе спустился с холма и принялся маневрировать в направлении Сан-Марино. Побеждённые французы с горя заняли Рим, в котором будут вынуждены бессмысленно просидеть аж до 1870 года.

В процессе маневрирования Гарибальди изобрёл новую прогрессивную тактику ведения войны. «Мы будем порхать как бабочка и жалить как пчела! – решил он. – Будем идти целый день, а если увидим противника – быстренько его победим. И сразу же пойдём дальше».

Проблема заключалась в том, что тактика была даже излишне прогрессивной. Поскольку тем, кто не Гарибальди, всё же иногда требуется есть и спать. А вот этого момента план как-то не предусматривал. Уставшие непрерывно ходить и стрелять солдаты начали от него разбегаться. Не выдержала даже верная Анита.

– Джузеппе, – сказала она, – мне надоело. Я хочу обратно в Рим. Рим или смерть!

Гарибальди лишь раздражённо отмахнулся.

– Ах вот как?!.. – воскликнула Анита и действительно умерла.

Тут до Гарибальди дошло: что-то, видимо, пошло не так. Он расстроился, сел на корабль и отплыл по маршруту Генуя – Тунис – Гибралтар – Марокко – Ливерпуль – Нью-Йорк – Карибы – Перу – Китай. Там, в Китае, закупил дешёвое гуано – в буквальном смысле слова, удобрение – и начал возить его в Бостон транзитом через Австралию.

В общем, процесс объединения Италии зашёл в тупик. Необходимый для этого герой имелся, но занимался какой-то ерундой. Чтобы поставить геройские мозги на место, ему, как и любому герою, требовался мудрый наставник.

Камилло Бенсо, граф Кавур, президент совета министров Сардинского королевства, был человеком во всех смыслах выдающимся. Во-первых, он мог бы безо всякого грима играть в кино Пьера Безухова. Во-вторых, был он одним из хитрейших политиков той эпохи.

Достоверно неизвестно, зачем ему нужна была объединённая Италия. Он, как я уже сказал, был слишком хитёр, чтобы кому-либо об этом сообщать. Традиционно, впрочем, считается, что Кавур был большим патриотом. Эту версию и примем в качестве основной.

Начал он с обращения в литературное агентство Александра Дюма (того самого). Заказ формулировался так: «Создание, разработка и техническая поддержка образа национального итальянского героя». Дюма некоторое время сосредоточенно рассматривал потолок, после чего взялся за перо и выдал на-гора историю жизни и необыкновенных приключений Гарибальди, краткое содержание которой вы только что прочитали в моём пересказе. Нет, я вовсе не хочу сказать, что Гарибальди не совершал всего вышеописанного. Замечу лишь, что у Дюма была очень богатая фантазия.

Затем Кавур пошёл к Витторио Эмануэле Савойскому и заявил:

– Наша казна пустеет, милорд. Нужно больше золота!

– Где ж я тебе его возьму?.. – сокрушённо развёл усами король.

– Ну... говорят, у Бурбонов его много... – туманно обронил Кавур.

– И что с того? – удивился король. – Ты в курсе, какие проценты заломят эти жадины?

– А зачем платить проценты? Более того, зачем их вообще о чём-то спрашивать?..

– Так ты имеешь в виду... – наконец-то дошло до короля. – Но ведь у них есть армия!

– У нас есть Гарибальди! – отвечал Кавур, протягивая ему творение Дюма.

Витторио Эмануэле полистал рукопись, посветлел лицом и вскричал:

– Вот вам мой декрет, записывайте: отныне и впредь повелеваю считать Гарибальди другом короны и спасителем Отечества!

После этого Кавур отправился в Милан, к театру «Ла Скала». Там как раз давали оперу «Набукко» Джузеппе Верди. Хор из её третьего акта «Va, pensiero» считался в Италии жутко патриотичным и расценивался в качестве протеста против иностранной оккупации. После окончания оперы возбуждённая и преисполненная чувства национального самосознания публика вывалилась из «Ла Скалы» и увидела на соседней стене огромную надпись «Viva Verdi!» Неподалеку стоял Кавур, пряча за спиной испачканные в краске руки. Дурной пример заразителен: через несколько минут словами «Да здравствует Верди!» были разрисованы все доступные вертикальные поверхности.

На следующий день в подконтрольных Кавуру газетах вышли статьи, из которых следовало, что миланцы пишут на стенах аббревиатуру Viva V.E.R.D.I! – Viva Vittorio Emanuele Re D'Italia! – «Да здравствует Витторио Эмануэле, король Италии!»

– Ах вот оно что!.. – удивились миланцы. – А этот Витторио – он вообще кто?

– Так это же друг самого Гарибальди! – пояснили газеты. – Мы говорим Верди – подразумеваем Витторио Эмануэле. Мы говорим Витторио Эмануэле – подразумеваем Гарибальди. Мы говорим Гарибальди – подразумеваем Италия. Мы говорим Италия – подразумеваем «Да здравствует король»!

Логичность этой конструкции восхитила итальянцев настолько, что даже из самых отдалённых уголков страны – точнее, будущей страны – послышались неисчислимые возгласы:

– Вива Верди! Да здравствует нерушимый блок королевских усов и гарибальдийской бороды!

Короче говоря, Италия была подготовлена к объединению. Дело оставалось за малым: сообщить об этом Гарибальди. Уже четыре года, как тот вернулся домой, купил ферму на Сардинии, занимался разведением баранов и едва не лез на стену от скуки. Когда в декабре 1858 года Кавур предложил ему должность генерала вооружённых сил Сардинского королевства, истосковавшийся по подвигам герой согласился без раздумий. Тем более что в том же году умер маршал Радецкий, и война с австрийцами превратилась в лёгкое и приятное занятие.

Впрочем, Кавур дополнительно перестраховался и заключил антиавстрийский союз с Наполеоном Третьим. В 1859 году началась Вторая война за независимость Италии. Сардинско-французские войска при активном участии Гарибальди вышвырнули противника из Ломбардии, присоединив к владениям Витторио Эмануэле Тоскану, Эмилию-Романью и всякое по мелочи. За австрийцами остались лишь Венето и некоторые районы на северо-востоке.

Правда вот, в обмен на помощь Наполеон-племянник забрал себе Савойю, и Савойская династия лишилась родового гнезда. Чтобы королю было не так обидно, в довесок к ней Кавур отдал французам и Ниццу. Хотя, возможно, это он сделал нарочно, дабы хорошенько разозлить Гарибальди. Что вполне удалось. Гарибальди такого отношения к своему родному городу, мягко говоря, не одобрил, сорвал генеральский мундир, вновь напялил красную рубаху, угнал в Генуе два парохода – ключи от которых Кавур предусмотрительно оставил в замках зажигания – и отправился срывать злость на Бурбонах. Машущий ему вслед платочком Кавур мысленно поздравил себя с блестящим завершением плана.

К Бурбонам Гарибальди поехал не один. В путешествии, которое войдёт в историю под названием *Spedizione dei Mille* – «Экспедиция Тысячи» – и станет величайшим из гарибальдийских подвигов, его сопровождали тысяча сто шестьдесят два человека. Были они не солдатами, а патриотами-добровольцами, набранными в буквальном смысле по объявлениям: доктора, профессора, медицинская сестра, с ними семьдесят студентов, а равно и других сугубо гражданских специалистов.

По первоначальной задумке весь этот разношёрстный сброд должен был быть хорошо вооружён. Деньги на оружие для экспедиции собирали всем миром. Даже полковник Кольт в знак уважения прислал из Америки сотню револьверов имени себя. Увы, но королевская полиция конфисковала все закупленные винтовки. Взамен выдал Гарибальди справку, гласившую, что «предъявитель сего до зубов вооружён и очень опасен». Каковым документом гарибальдийцы в первом же бою с лёгкостью поразили бы бурбонских солдат до глубины души. Пришлось патриотическому воинству экипироваться мушкетами и аркебузами едва ли не времён колумбовых и покоренья Крыма генуэзцами. Мало того, уже после отплытия выяснилось, что на пароходы в суматохе забыли погрузить патроны.

Гарибальди завернул в Тоскану, пришёл в ближайший военный форт, сообщил коменданту, что выполняет тайную миссию по приказу короля, и потребовал обеспечить его боеприпасами. Комендант пожелал взглянуть на документы.

– Патриотизм и отвага – вот мои документы! – отвечал Гарибальди. – Где ж ты видел, чтоб на сверхсекретное задание с паспортом и доверенностью отправлялись?..

Не найдя контраргументов, комендант выдал Гарибальди всё необходимое и несколько дней спустя угодил под трибунал за растрату казённого имущества.

В мае 1860 года Гарибальди высадился на Сицилии. Где нос к носу столкнулся с местной разновидностью пламенных борцов за счастье народное. С мафией. Дело в том, что мафиози считают себя вовсе не тем, чем полагаем их мы с вами. Они возводят свою родословную аж к «Сицилийской вечерне» – антифранцузскому национально-освободительному восстанию 1282 года, начало которому положила попытка французского солдата обесчестить местную девушку. На её защиту бросилась мать с горестным воплем «*Ma fia, ma fia!*», что означает «Дочь моя, дочь моя!» Сбежавшиеся на шум соседи то ли не расслышали, то ли не разобрал

лись, посчитав, что женщина выкрикивает аббревиатуру M.A.F.I.A – Morte Alla Francia Italia Anela – «Смерти Франции жаждет Италия», и с увлечением принялись убивать всех подвернувшихся под руку французов.

По другой же версии, MAFIA расшифровывается как Mazzini Autorizza Furti Incendi Avvelenamenti – «Маццини (да, тот самый) разрешает кражи, поджоги, отравления», возводя, таким образом, истоки мафии к благородному обществу Карбонариев, тоже вполне себе национально-освободительному.

Пусть все эти теории и не выдерживают критики с точки зрения лингвистики, истории, политической географии и здравого смысла, но всё же согласитесь: «я состою в мафии, поскольку мои предки сражались против оккупантов» – звучит гораздо более солидно, чем «я состою в мафии, поскольку люблю деньги и убивать людей».

Вот почему, когда сошедший с парохода Гарибальди заявил: «Сицилийцы, я пришёл дать вам волю и прогнать Бурбонов!» – мафиози, вытаскивая гарроты и лупары, дружно ответили: «Не волнуйся, Бурбоны – не проблема!» И всего через пятнадцать дней Сицилия была полностью очищена от бурбонских войск.

Слава великого дона Гарибальди летела впереди него. Когда он переместился на материк, в Кампанию, там его уже с распростёртыми объятиями ждала Каморра. У Бурбонов не осталось ни малейшего шанса.

В конце октября 1860 года Гарибальди встретился с прибывшим на театр военных действий Витторио Эмануэле. Два великих итальянца сразу же прониклись глубокой взаимной симпатией на почве общей любви к разведению растительности на лице. Дружески беседуя, вступили они в освобождённый от Бурбонов Неаполь, где Джузеппе оставил короля на хозяйстве, подсчитывать захваченные у врага золотые слитки, а сам вернулся к своим баранам на Сардинию.

Имя Гарибальди к тому моменту достигло такой популярности, что весной 1861 года на контакт с ним вышли американцы. Авраам Линкольн предложил итальянскому герою должность командующего войсками Севера в войне с Конфедерацией. Но Гарибальди соглашался начать переговоры лишь в том случае, если Линкольн заявит о немедленной и безоговорочной отмене рабства. Тот, однако, ещё колебался. Прокламацию об освобождении рабов он подпишет лишь год спустя. Так Гарибальди не стал американским генералом, зато доказал, что был привержен идеалам демократии и ценностям американского образа жизни даже сильнее, чем сам главный национальный герой США.

И всё же Джузеппе не сиделось на месте. Чего-то ему не хватало. Конкретно, – не хватало Рима. Летом 1862 года он вновь отправился на Сицилию, набрал корпус волонтеров и повёл их на завоевание Папской области.

Напомню, что в Риме всё ещё сидели давным-давно побеждённые им французы. Более того, теперь они считались союзниками новорождённого Итальянского королевства. И потому в Калабрии, неподалёку от горы Аспромонте, гарибальдийцам преградили путь правительственные итальянские войска. Завязалась перестрелка. Дабы не допустить ситуации, в которой одни граждане Италии убивают других, Гарибальди в полный рост встал между противоборствующими сторонами. И тут же получил две пули, одну – от чужих, вторую – от своих. Тяжелораненого героя арестовали и принялись лечить. Даже специально выписали к нему из России профессора Николая Пирогова (того самого). А Витторио Эмануэле излеченного Гарибальди сразу же простил и амнистировал. Я же говорил, что это был хороший, правильный король. Такие усы врать не могут!

Дабы как-то отвлечь Гарибальди от навязчивой папафобии, в 1866 году Италия начала Третью войну за независимость, в ходе которой он вновь получил возможность всласть поиздеваться над австрийцами, а заодно отобрать у них в пользу Италии Венето. На этом герой, однако, не успокоился и в 1867 году ещё дважды пытался взять Рим, оба раза неудачно. Его

вновь арестовали, но отпустили, ибо теперь он, как депутат парламента, пользовался неприкосновенностью.

В 1870 году началась франко-прусская война и французские солдаты наконец-то покинули Вечный город. В сентябре того же года, проломив крепостную стену вблизи ворот Порта Пиа, в него вошли итальянские королевские войска. Но Гарибальди участия в этом не принимал. Он уже сражался во Франции, на стороне новорождённой Третьей Республики. По словам Виктора Гюго, Гарибальди, имевший все основания Францию ненавидеть, стал едва ли не единственным человеком, который пришёл ей на помощь в тот тяжёлый момент.

Так завершается история Джузеппе Гарибальди, лучшего из итальянцев. История, но не жизнь. Прожил он до 1882 года, активно участвовал в политике, даже успел ещё раз жениться. И здесь явно напрашивается традиционная сказочная формула: «...и жили они все долго и счастливо». Увы, нет. Хотя суровые годы борьбы за свободу страны уходили вдаль, – за ними уже вставали другие. Никто тогда ещё и предположить не мог, насколько трудны они будут.

Заявившийся в Королевство обеих Сицилий Гарибальди каморристам очень понравился. Не, ну а чего? Грабит богатых, воюет с полицией, защищает простой народ – свой человек, социально близкий элемент! Плюс к тому, будучи людьми дальновидными, они сразу же сообразили, что эпоха перемен, грядущая за объединением страны, – отличная возможность половить рыбку в мутной воде. Потому и оказали Красному дьяволу всемерную поддержку.

Во избежание дальнейшей терминологической путаницы нужно сделать некоторые пояснения.

Под словом «мафия», традиционно ассоциирующимся с сицилийскими или италоамериканскими криминальными сообществами, сами итальянцы подразумевают любую организованную преступность, вне зависимости от её территориальной и даже национальной принадлежности. Но есть одно неперемённое условие: мафия, чтобы считаться таковой, должна иметь выраженную пирамидальную организационную структуру с жёсткой вертикальной иерархией.

Каморра же исторически никогда не обладала и, забегая вперёд, – никогда не будет обладать этим признаком. С самого начала она представляла собой клуб независимых профессионалов, фрилансеров, преследующих в первую и единственную очередь свои личные, а не организационные интересы. Со временем, впрочем, каморристы начали объединяться в сотни мелких автономных кланов, делящихся по районному принципу, каждый из которых в любой произвольный момент мог либо создать союз с кланом другого района, либо войти с ним в состояние войны.

И если отдельный каморристский клан вполне подпадает под определение организации мафиозного типа, то вся Каморра, как социально-криминальное явление, – вовсе не мафия. А лишь обобщённое название для совокупности мафий региона Кампания в целом и его столицы Неаполя в частности.

Иным образом дела обстояли на Сицилии. Там, разумеется, как и на всей остальной территории бурбонского государства, существовала своя организованная преступность. Однако, вторичная и малозаметная по сравнению с блестящей и пышной столичной Каморрой. Даже не имевшая до поры собственного имени. Обретёт она его лишь в последней трети XIX века, когда в лексиконе журналистов и обществоведов впервые появится новое словосочетание: Коза Ностра.

Почему о ней вдруг заговорили? Да потому что события, последовавшие за объединением Италии, задали сицилийской мафии иной, принципиально отличный от Каморры вектор развития.

А времена и правда наступили смутнее некуда. Ловись, рыбка, большая и маленькая!

Глава 2. Вернись в Сорренто

В Нью-Йорке левкои не пахнут.

Там с Бруклинского моста днями напролёт безработные в Гудзон кидаются вниз головой. Те же, кому повезло чуть больше – или меньше, как посмотреть, – безликими серыми толпами стекаются на фабрики и в конторы, где кланы Рокфеллеров, Ротшильдов и прочих волков с Уолл-стрит выжимают из них все соки до последнего цента прибавочной стоимости. А где-то в незримой вышине, скрытый дымом и смогом, злорадно и оскорбительно хохочет всемогущий Жёлтый дьявол.

Наступает вечер. Измученный город засыпает, тщетно пытаясь найти в душном забытии сна минуту отдыха и успокоения. И просыпается мафия. Итальянская.

Разумеется, это лишь набор штампов. Кроме мафии. Она существует, она итальянская, и она не дремлет.

Но... погодите. Вас ничего не смущает? Дон Корлеоне, что ты делаешь в Нью-Йорке? Ведь ты сицилиец, ты не можешь дышать здесь полной грудью. Ты же родился в самой, пожалуй, прекрасной на свете стране, воистину – *Bel paese*. Какой неведомый ураган сорвал тебя с места и перенёс в эти негостеприимные края?

И действительно: откуда в Нью-Йорке взялся целый район Little Italy – «Маленькая Италия»? Как получилось, что порой не такие уж и маленькие «Маленькие Италии» ныне можно обнаружить во многих и многих городах мира? Ведь настоящая, большая Италия – страна в планетарном масштабе довольно компактная. В последней четверти XIX – первой четверти XX веков её население составляло всего-то около тридцати миллионов человек. А эмигрировало из неё за тот же период более четырнадцати миллионов, по самым скромным оценкам.

Что же заставило в буквальном смысле половину страны, не беглецов от правосудия, не преступников, не мафиози, а обычных людей – крестьян, ремесленников, рабочих – вдруг собрать чемоданы, бросить дома и наделы и отправиться в чужие страны, где их не ждал никто, и всё нужно было начинать заново, меньше чем с нуля? Давайте попробуем разобраться.

Однажды, годах этак в пятидесятых XIX века, Камилло Бенсо ди Кавур, президент совета министров Сардинского королевства, совершал послеобеденный моцион по территории вверенного его заботам государства и предавался мечтам об объединении Италии. Как вдруг внимание его привлекла безобразная сцена: королевские солдаты чистили ружья толчёным кирпичом.

– Скажите государю, – вскричал Кавур, – что у англичан ружья кир... Хотя нет. Чего короля лишний раз беспокоить, если я и сам могу?..

И немедленно выписал аглицких инженеров, которые принялись возводить новомодные оружейные заводы. Заниматься инновационными технологиями графу понравилось настолько, что, прямо не отходя от королевской кассы, он приступил к реформированию сельского хозяйства путём возведения ирригационного сооружения имени себя: Кавурканала. Полюбовавшись на пышно заколосившиеся виноградники, усталый, но довольный Кавур захотел съездить в Париж, отдохнуть и развеяться. Тут выяснилось, что поезда, уже массово бегавшие по всей остальной Европе, из Италии во Францию не ходят. Пришлось ему спешно строить железные дороги.

Много ещё хороших идей было у нашего графа. Реализовать их, однако, мешало досадное обстоятельство: в королевской казне закончились деньги. Кавур погрустнел, но затем светлая патриотическая мысль о единстве страны вновь согрела ему сердце. Не мешкая ни секунды, он отправил Гарибальди разбираться с этим вопросом, а сам принялся терпеливо ожидать финансовых результатов операции.

В это же время на другом конце будущей Италии, в Королевстве обеих Сицилий, ни о каких инновациях и не помышляли. Опорой правившей там династии Бурбонов были лати-фундисты, крупная земельная аристократия. С их точки зрения, юг итальянского сапога представлял собой живописную буколическую страну, наполненную цветущими полями (маркиза Карабаса!), лугами (маркиза Карабаса!) и тучными стадами (догадайтесь чьими). Правда вот, у тех, кто не был маркизом Карабасом, мнение на этот счёт несколько отличалось... Но кого волнует, что себе воображают эти немытые пейзажи, не так ли? Собственность на средства производства им подавай!.. Бунтовщики! Карбонарии!

Короче говоря, там в полном разгаре был феодальный строй, светлое будущее некоторой части человечества. Ко всем бедам добавлялась ещё и мафия, которой сначала платили бароны, дабы мафия следила, чтобы крестьяне не слишком бунтовали, а потом, в свою очередь, платили крестьяне – за защиту от баронов, то есть от самой себя.

Поэтому неудивительно, что когда на Сицилии высадился национально-освободительный Гарибальди – напомним, в довершение всех своих многочисленных недостатков Бурбоны были ещё и испанскими оккупантами, – сельская беднота, то есть процентов этак восемьдесят населения страны, встретила его с надеждой и восторгом. Красный дьявол прогнал Бурбонов и баронов, передал Витторио Эмануэле Второму, свежескоронованному монарху объединённой Италии, ключи от Неаполя и уехал дальше по своим геройским делам. Он, Гарибальди, был старый солдат и не знал слова «экономика». Чего никак нельзя сказать о Кавуре. Вся штука в том, что Королевство обеих Сицилий было вовсе не таким уж бедным государством, каким могло бы показаться на первый взгляд.

Представьте, что вы – крупный феодал. У вас куча земли, на которой что-то там выращивают. Пусть даже производительность этого феодохоза крайне низка, но людишки-то ваши работают в буквальном смысле за еду. Следовательно, остаётся доход. И доход немалый. Что вы с этими деньгами будете делать? Купите ещё земли? Во-первых, у вас её и так куры не клюют, во-вторых, все пригодные для обработки земли уже принадлежат вашим приятелям, другим феодалам, находящимся в точно такой же ситуации. Начнёте вкладывать в промышленные производства? Так ведь нет их. А создавать с нуля вам лень. Да и вообще, какой смысл? Жизнь-то и без того удалась.

Вот и приходится эти нетрудовые доходы просто складировать в виде золотых и серебряных монет. Либо в банке (финансовом учреждении), либо в банке (стеклянной таре). Если же заниматься этим достаточно долго, этак, скажем, с полвека, то банка приобретёт довольно внушительные размеры.

На сокровища королевской бурбонской казны, равно как и на деньги в неаполитанских банках Витторио Эмануэле – читай: Кавуру – удалось наложить лапу сразу же, по праву победителя. Оставалось придумать, как добраться до других заветных банок. Но не зря – ох, не зря! – Кавур считался одним из хитрейших политиков своего времени.

– Раз уж мы все теперь живём в великой и неделимой Италии, – сказал он, – негоже нам пользоваться старорежимными деньгами. Да здравствует новое единое и единственное законное платёжное средство – итальянская лира! Короче, граждане, сдавайте валюту!

И со всех концов страны в Пьемонт потекли ручейки золотых и серебряных монет. Не просто так, разумеется, а в обмен на новенькие лиры. Но мы же помним, что наш граф был великим инноватором. А посему новые деньги были изготовлены по последнему слову тогдашней экономической науки, что позволило значительно облегчить – в самом прямом смысле – кошельки верноподданных итальянцев. Уже догадались? Правильно. Деньги были бумажными.

Что?.. Так, кто сейчас сказал «инфляция»?.. Поднимите руку. Ага. Синьор Гарибальди, будьте так любезны, выведите этого бурбонского шпиона из зала и расстреляйте к чёртовой бабушке!..

Чтобы оценить масштабы операции: в процессе унификации валют в бывшее Королевство обеих Сицилий в обмен на эквивалентный объём благородных металлов отправились четыреста сорок три миллиона новых лир. Во всю же остальную Италию, включая само бывшее Сардинское королевство, – лишь двести двадцать шесть миллионов. В общем, южная кубышка была успешно распечатана и оприходована.

Но будем справедливы: Кавур старался не для себя. Средства пошли на модернизацию экономики, которая в тот момент молодому государству требовалась как воздух. Италия – вся Италия, не только южная – была страной аграрной и отсталой. Страной, измученной веками междоусобных свар и окружённой кольцом заклятых друзей, что ещё совсем недавно имели статус оккупантов и не отказались бы при случае его восстановить. Страной, ещё лишь готовившейся к Третьей и окончательной войне за независимость.

Даже с учётом экспроприации богатств южных экспроприаторов денег катастрофически не хватало. Поскольку индустриализация проходила под лозунгом «Всё для фронта, всё для победы!», то в первую очередь возводились предприятия военно-промышленного комплекса. Штука, конечно, хорошая и нужная. Вот только большого количества рабочих мест они не создавали. А если и создавали, то не для неграмотных крестьян, а для приглашённых иностранных специалистов. Которым требовалось щедро платить. Не говоря уж о необходимости закупать оборудование и сырьё. На это тоже нужны были деньги. Где их взять? Правильно. Поднять налоги. Северные итальянцы крикнули и до предела затянули пояса. На Юге же и вовсе наступил локальный постапокалипсис.

Опять же, будем справедливы: южан отнюдь не считали гражданами второго сорта. Ну только если чуть-чуть, в силу древних и практически священных традиций итальянского регионального патриотизма, имеющего даже специальное название – *campanilismo*, что дословно означает «любовь к родной колокольне». Там, на Юге, тоже строились заводы и прокладывались железнодорожные пути.

Но, во-первых, центральное правительство находилось в Пьемонте. Финансирование же периферии, как везде и всегда, осуществлялось по остаточному принципу. Во-вторых, у руля в местной администрации оказались назначенцы с Севера и вернувшиеся из многолетнего изгнания антибурбонские диссиденты. Которые судили о ситуации прежде всего по Неаполю – одному из крупнейших в тогдашней Европе и относительно благополучному городу, – не имея ни малейшего представления, что же творится на остальной территории региона.

А происходило там следующее: вместо проклятых латифундистов сицилийские, кампанские, калабрийские и прочие крестьяне вдруг получили открытый рынок и либерализацию цен. Тут выяснилось, что со времён Древнего Рима мировая сельскохозяйственная наука сделала некоторые успехи. И себестоимость производства местной продукции превышала рыночную стоимость импортного продовольствия. Можно было бы, конечно, продолжать жить по заветам предков – натуральным хозяйством, питаясь тем, что сами вырастили. Вот только мы же помним про повышенные налоги. Их требовалось платить. А значит, – продавать урожай, пусть даже с убытком. И если при Бурбонах, по крайней мере, была еда, то теперь не стало и её.

Чтобы выжить, нужно было развиваться. Но делать это интенсивным способом – внедрять новые технологии – без денег невозможно. Экстенсивный же путь – перепахать побольше земли – оказался недоступен по другой причине. Живописная природа южно-итальянского Средиземноморья имеет одну неприятную особенность: недостаток пресной воды. Точнее, вода-то была. Но в виде болот. Которые, в свою очередь, образовались в результате хищнической вырубki баронами лесов. То есть и леса у них тоже уже не было. Зато свирепствовали эпидемии малярии и прочих весёлых заболеваний (см. «болота»).

Красивая картинка вырисовывается, правда? Не очень-то похожая на тот образ благодатной Италии, беззаботного края спагетти и мандолин, к которому мы все привыкли. Еды нет, воды нет, растительности нет. Зато были люди. И людей было много. Слишком много.

Эту последнюю проблему центральное правительство попыталось решить довольно эффективным способом: введением всеобщей воинской повинности, которой при Бурбонах отродясь не было.

– Не спрашивайте, что новая итальянская родина сделала для вас! Спросите лучше, когда же вы будете иметь возможность героически сдо... эмм... отдать за неё жизнь! – патетически восклицали сотрудники свежестроенных военкоматов.

– Погодите, – удивлялись рассудительные южные землепашцы, – так она для нас ничего вроде как пока и не сделала... Наоборот даже.

– Вот и не спрашивайте! – блестящим полемическим приёмом завершали дискуссию их оппоненты.

Если в какой-нибудь тёплый и ласковый летний вечер последних десятилетий XIX века вы забрались бы на вершину Везувия, закрыли глаза и прислушались, то непременно услышали бы доносящиеся со всех сторон неисчислимые тихие хлопки. Это лопалось терпение итальянцев.

Всё чаще и чаще бывшие гарибальдийцы, бывшие бурбонские солдаты да и просто голодные и доведённые до отчаяния крестьяне обменивались красноречивыми взглядами, согласно кивали друг другу, снимали со стены под рубаху Мадонну да доставали обрезы. На борьбу с этими полубандитами-полуповстанцами правительство бросило стодвадцатитысячный армейский корпус. Разгорелась миниатюрная, но самая натуральная гражданская война. В условиях которой, как вы догадываетесь, жить стало ещё лучше, ещё веселей.

Нет, Кавур положительно был гениальным человеком! Настолько гениальным, что предвидел всё это заранее и предусмотрительно умер ещё в 1861 году, практически сразу же после объединения страны. Со спокойной улыбкой и словами «как хотите, так и выкручивайтесь!» на устах.

Следует признать, однако, что его план модернизации и индустриализации Италии вполне сработал. На помощь измученной державе уже спешил Его Величество Технический Прогресс. Правда, если бы наш граф узнал, в чём именно эта помощь будет выражаться, то, вероятно, крутился бы в гробу со скоростью хорошего промышленного вентилятора.

4 октября 1852 года. Вот день, который положил начало великому исходу из Италии. Хотя в тот момент никто ещё не подозревал не только о его грядущих масштабах, но и о том, что он вообще состоится. В иных обстоятельствах это было бы и вовсе ничем не примечательное событие – учреждение в Генуе «Трансатлантической компании» с Витторио Эмануэле – читай: Кавуром – в качестве основного акционера. Компания заказала постройку на британских верфях двух инновационных стремительных пароходов и с 1856 года приступила к их эксплуатации.

Но вот незадача: с поиском грузов для доставки в Италию проблем не имелось. Переживавшей индустриализацию стране требовалось всё и сразу. В обратную же сторону отправлять было особо и нечего. Суда уходили полупустыми, акционеры подсчитывали упущенную выгоду и расстраивались. Тут кому-то в голову пришла светлая мысль.

– Слушайте, но ведь у нас же полно груза! Мало того, груза, который сам платит за собственную транспортировку, сам себя загружает и разгружает, не требует присмотра и хоть сколь-нибудь бережного отношения в силу того, что не может испортиться. А даже если он вдруг и пропадёт за время пути... Ну так и что с того? Деньги-то уже уплочены, а возможные претензии... Кто их в этом случае будет предъявлять?

– Гениально! – сказали акционеры.

И во все уголки страны потянулись бесконечные вереницы рекрутеров и зазывал.

– Там, за туманами, по ту сторону Атлантики, – вещали они, – вас ждут бескрайние поля, которые некому пахать, цветущие сады, плоды которых некому собирать, и уютные посёлки,

в которых некому жить. Стоит лишь протянуть руку, стоит купить билет, – и всё это может стать вашим. Счастье для всех, даром! И пусть никто не уйдёт обиженный!

Голодная и нищая Италия ахнула от восторга. На какой-то миг ей показалось, что она вновь обрела потерянный рай. Увидела путь в землю обетованную.

Нет, я вовсе не хочу сказать, что до конца 60-х годов XIX века итальянцы об Америке ничего не знали. Вспомним хотя бы, кем был Христофор Колумб. Полуторатысячный итальянский корпус сражался в Войне за независимость США. Во времена тамошней гражданской войны итальянцы под командованием генерала Конфедерации Тальяферро, итальянца, дрались с итальянскими солдатами северных генералов Ферреро и Спинолы, итальянцев. Слова Декларации Независимости «Все люди созданы равными...» – принадлежат перу не Томаса Джефферсона, а его итальянского друга Филиппо Маццеи. И так далее. Но до той поры путешествие в Новый Свет было уделом искателей приключений, учёных, авантюристов, беглых преступников, артистов и прочей не слишком обычной публики.

Не являлась новостью и внутриевропейская трудовая миграция. Ещё с начала века итальянский мастеровой люд, в основном из северной части страны, – ремесленники, каменщики, шахтёры, – отправлялся на заработки в более благополучные соседние государства. В первую очередь – Германию и Францию. Но это были относительно кратковременные поездки. Повкалывать пару-тройку лет на износ, заработать денег и вернуться домой, к семье.

Так было раньше. Теперь же в дорогу собирались люди совсем иного сорта. поголовно неграмотные, не говоря уж об иностранных языках, не видевшие и не знавшие в жизни ничего, кроме скудного клочка земли, отнимавшего на обработку все силы и время; продав и заложив что можно и что нельзя, лишь бы хватило на заветный билет; с чемоданом или тощим узлом в руках – они поднимались на борт парохода, в отчаянной надежде всматриваясь в морскую даль: когда же, когда на горизонте наконец-то покажется она?.. Она, Америка.

Первая волна эмигрантов произвела крайне благоприятное впечатление. Как на акционеров пароходных компаний – доходы их росли словно на дрожжах: спешно строились и закупались новые суда, отправлявшиеся теперь не только из Генуи, но из Неаполя, Палермо, далее везде, – так и на правительства заморских держав. Италию наводнили новые зазывалы и агитаторы, теперь уже иностранные, в первых рядах – бразильские.

– Приезжайте поскорее к нам, дорогие итальянцы, мы вас будем кормить и хорошо с вами обращаться! И каждому дадим земли! Итальяно-бразильяно ола-ола!

В качестве наглядного подтверждения своих слов они раздавали красочные проспекты и брошюры, расписывающие, какое изобилие невиданных зверей и прочих радостей жизни водится в солнечной Бразилии. Но был один маленький нюанс, о котором простодушные итальянцы в этих брошюрах прочитать не смогли бы, даже если бы в принципе и умели это делать: с какой именно целью они вдруг понадобились чужеземным вербовщикам.

Ларчик же открывался просто: в 1853 году в Аргентине, в 1865 – в США, а в 1888 – и в Бразилии было отменено рабство. Освобождённые афроаргентинцы, афроамериканцы и афробразильцы на радостях ушли в длительные творческие отпуска. А их рабочие места на плантациях и в каменоломнях стали вакантными. Так что всё совпало крайне удачно. Итальянский зверь, не разбирая дороги и по собственной инициативе, бежал прямо на ловца.

Месяц в трюме. Потолки высотой метр семьдесят. Редкие глотки свежего воздуха из иллюминатора. Красная от ржавчины вода. Скудная еда (к этому, впрочем, было не привыкать). Страдания. Болезни. Смерть.

Выдержали. Вынесли. Доплыли. Силуэты небоскрёбов на горизонте. Вздвигающая факел статуя Свободы. Вот он – американский рай!..

Ан, нет. Чистилище. Эллис Айленд.

Болен? Не подходишь! Нет денег на первое время? Не подходишь! Несовершеннолетний или старик? Не подходишь! Позднее к этому добавится и необходимость быть грамотным. Я

не знаю, что случилось с теми, кто не мог пройти миграционный контроль. И сказать по правде, не очень хочу узнавать. Побаиваюсь.

Передовой отряд великой эмигрантской армии проник на территорию Соединённых Штатов, окопался в том месте, что позднее станет Маленькой Италией, и занял круговую оборону. Нищие, не знающие языка, владеющие лишь примитивными профессиями итальянцы оказались презираемы и гонимы всеми без исключения. И хотя формально они были бледнолицыми, пусть местами и довольно смуглыми, но по общественному статусу располагались разве что чуточку выше негров.

Они брались за любую работу, самую тяжёлую, грязную и низкооплачиваемую. Собственно, другой бы им никто и не дал. Редкий работодатель соглашался иметь дело с этими странными пришельцами. Но те немногие, кто на это отваживался, – вдруг испытывали приятное удивление. Трудолюбивые, исполнительные и покладистые итальянцы не только не доставляли проблем, но и мало-помалу превратились в один из самых востребованных источников рабочей силы на рынке труда. Сам Генри Форд писал: «Итальянцы экономны, способны довольствоваться низкой зарплатой, и, соответственно, им требуется платить меньше, чем обычному ирландцу».

Русские своих на войне не бросают. Итальянцы же не бросают своих в мирной жизни. Другой вопрос, кого именно они считают своими. Не факт, что условный венецианец и условный сицилиец согласятся с утверждением о собственной принадлежности к одной и той же нации. Но вот если речь идёт о родственнике или односельчанине...

Можно сколько угодно иронизировать по поводу гипертрофированной итальянской приверженности семейным ценностям. Да они и сами с удовольствием вместе с вами посмеются. Но эта черта национального характера – мудрость, выкованная дорогой ценой. Закалённая потом, кровью и слезами.

Второй и последующей волнам эмиграции было значительно легче. Со всех сторон к ним тянулись готовые помочь и поддержать руки родственников и земляков, уже успевших закрепиться на новом месте. И они тоже принимались за работу, чтобы вскоре, в свою очередь, протянуть руку помощи кому-то из вновь прибывших.

Маленькая Италия не просто выстояла, но постепенно начала расцветать, если не сказать – процветать. Как грибы после дождя росли лавки, рестораны, мастерские, а чуть позднее – даже банки. Оказалось, что если снять с загорелых итальянских шей их родное правительство, они, итальянцы, как тот гадкий утёнок, расправляют крылья и превращаются в прекрасных работников и успешных предпринимателей.

Схожим образом обстояли дела и на соседнем Южноамериканском континенте. К чести бразильцев и аргентинцев, их рекламные брошюры почти не ввали. Всего лишь процентов на семьдесят—восемьдесят, не больше. Хотя тамошние итальянские колонии и столкнулись со значительными первоначальными трудностями, но всё же процедура въезда и адаптации была проще, а местное население, благодаря большей общности языка и культуры, настроено менее враждебно.

Чем прочнее закреплялись эмигранты в обеих Америках, тем сильнее возрастал нескончаемый поток новых итальянцев. Образовалась настоящая миграционная воронка, расширявшаяся и набиравшая мощь с каждым вновь попавшим в неё переселенцем. Давайте-ка вернёмся в Италию да посмотрим, к чему это привело.

В первом десятилетии свеженаступившего XX века индустриализация по Кавуру наконец-то начала приносить долгожданные плоды. На Севере, во всяком случае. Да и на Юге стало хоть и немножко, но полегче. Только вот смотрит правительство в окно и видит: и заводы есть, да к станку встать некому. И оборотные капиталы появились, да за плугом никто не идёт. И отцы уехали в Америку, и братья уехали. Тут великомудрые вожди нации догадались, что

если за тридцать с небольшим лет от них разбежалась половина населения страны, то, вероятно, что-то пошло не так. Сели они да стали думать думать, как же теперь из создавшейся ситуации выходить... Но была в Италии могучая сила, которая никак не могла позволить себе терять время, дожидаясь пока политики что-нибудь порешают.

Основную массу эмигрантов, по крайней мере на первых порах, составляли мужчины. Они отсылали большую часть заработанных денег на родину, поддерживая оставшиеся дома семьи. Дабы впоследствии либо вернуться самим – до сорока процентов от общего числа переселенцев рано или поздно покупали обратный билет, – либо, уже прочно обосновавшись на новом месте, вызвать к себе жён, детей и родителей. Нет, разумеется, уезжало и множество семейных пар и даже просто одиноких женщин... Но всё же случилось так, что в первую очередь из Италии ушли мужчины.

Воинствующие иностранные феминистки страшно возмущаются, когда узнают, что в современном итальянском языке слово *femminismo* несёт явно негативные коннотации, выступая прежде всего антонимом слова *maschilismo* – «мачизм». Это вовсе не означает, что подавляющее большинство итальянцев имеет хоть что-нибудь против женского равноправия. Наоборот: Италия – страна окончательно и бесповоротно победившего феминизма. В самом хорошем и позитивном смысле этого слова. Не демонстративного и нарочитого, а спокойного и уверенного в себе.

Потому что тогда, в начале XX века, они, женщины, встали у руля экономики страны. Нет, не той большой государственной экономики, основной функцией которой является создание гражданам как можно большего числа проблем и трудностей. Она была и остаётся уделом мужчин. А маленькой и скромной экономики домохозяйств. Именно той, однако, от которой зависит, что семья сегодня будет есть на ужин. И будет ли есть вообще.

Женщины пахали землю, женщины работали на фабриках, женщины подписывали юридические документы. Не забывая растить детей и готовить обед. Затем дети подросли. Демографическая ситуация выправилась. И женщины с облегчением переложили на плечи сыновей, ставших мужчинами, часть своих забот. Ушли в тень.

Но найдите самого типичного, самого стереотипного современного итальянского мачо, какого только сможете. Понаблюдайте, как он ходит, распушив павлиний хвост и отпуская направо и налево сексистские шуточки. А потом познакомьтесь с его мамой. Спросите у неё: «Синьора, а кто на самом деле управляет этой страной?» Вряд ли вы получите прямой ответ. Зато это сэкономит вам время на посещение Лувра. Поскольку вы уже будете иметь полное представление, как же выглядит та самая загадочная улыбка Джоконды.

Как бы там ни было, эмиграция нанесла королевству тяжелейший удар. Выше мы говорили в основном об Америке. Но люди разбегались из Италии во всех направлениях. Трудно отыскать на карте государство, претендовавшее на статус хоть сколько-нибудь цивилизованного, в котором в те времена не появилась бы итальянская диаспора. К этому следует добавить и внутреннюю миграцию с по-прежнему депрессивного Юга на начавший поднимать голову индустриальный Север. Деревни и даже целые районы обезлюдели и постепенно вымирали.

Слышали ли вы когда-нибудь песню «Вернись в Сорренто»? Ну вот эту:

*E tu dice: «I parto, addio!»
T'alluntane da 'stu core...
Da la terra de l'ammore...
Tiene 'o core 'e nun turnà?
Ma nun me lassà,
Nun dar-me sto turmiento!
Torna a Surriento,
famme campà!*

*И ты говоришь: «Уезжаю, прощай!»
Удаляешься от моего сердца...
От этой земли любви...
Хватит ли у тебя духу не возвращаться?
Но не покидай меня,
Не причиняй такую боль!
Вернись в Сорренто,
Оживи меня вновь!*

Да наверняка ж слышали. Как думаете, к кому обращены эти слова? Кто этот уезжающий, которого призывают вернуться? Любимый человек? Эмигрант, покидающий родину?.. Ха!

У песни, написанной в 1902 году, есть совершенно конкретный адресат: премьер-министр Италии Джузеппе Занарделли, в том году посетивший Сорренто с кратковременным рабочим визитом. Другими словами, десятки лучших певцов всего мира, неизменно срывая овации публики, на протяжении вот уже более сотни лет исполняют не что иное, как открытое обращение трудящихся Соррентского района Неаполитанской области к партии и правительству. Мол, дорогие руководители, у нас тут хоть и очень красиво, но всё очень плохо. Не бросайте нас! Сделайте хоть что-нибудь по этому поводу!

Нет, ну скажите – как?!.. Как возможно не любить Италию и итальянцев?!..

И государственные мужи нашли блестящее, на их взгляд, решение проблемы. Чтобы обуздать эмиграцию нужно что?.. Правильно. Держать и не пущать. Усилился выездной полицейский и таможенный контроль, был создан Генеральный комиссариат по делам эмиграции, в формальную задачу которого входило следить, чтобы эмигранты покидали страну в комфортных и здоровых, с санитарной точки зрения, условиях. Тем более что по Европе уже начинал бродить призрак грядущей мировой войны. А для войны нужны солдаты. Поэтому военнообязанным прекратили выдавать проездные документы.

Но отбывающие не желали, чтобы о них заботились, не хотели уезжать комфортно. Были согласны хоть тушкой, хоть чучелом. Не обращая внимания на потуги властей, Италия всё так же посылала своих сыновей и дочерей к далёким берегам. Пусть теперь и нелегально.

Для неё, этой Италии – Италии простых людей, – война была уже в самом разгаре. День и ночь вела она незримый бой со всем миром за место под солнцем. Вот только вместо сабель и винтовок солдаты её сжимали в руках плуги и молоты. А над полем боя звучали не пушки, а музы. Звучали же они потому, что итальянцы вопреки всем конвенциям пустили в ход сокрушительное оружие массового поражения – свою культуру.

Истребительные отряды сопрано и теноров наносили ущерб вражеской инфраструктуре, голосами разбивая бокалы и стаканы. Партизанские бригады кулинарув по ночам открывали трагтории и пиццерии в местах массового скопления живой силы противника. Сапёрные подразделения архитекторов и скульпторов возводили неприступные редуты дворцов и памятников. Инженерно-научные части под командованием генерала Маркони без устали обеспечивали связь и управление войсками. Трёхцветнознамённая гвардейская филологическая дивизия имени Данте Алигьери бомбардировала неприятельские города институтами итальянского языка и культуры за рубежом. А с непотопляемого авианосца «Италия» поднимались и вступали в бой всё новые и новые эскадрильи художников, поэтов, мыслителей.

И мир дрогнул. Смешал боевые порядки и, ко взаимному удовольствию высоких договаривающихся сторон, сдался на милость победителя.

Нет на свете другой страны, пережившей столь массовую – не вызванную военными причинами – добровольную эмиграцию. Как нет и никаких других эмигрантов, сумевших так кардинально и в такие короткие по историческим меркам сроки переломить мнение о себе. Если

в начале XX века господствующим на планете настроением была неприкрытая италофобия, то сейчас, в какой бы точке мира вы ни находились – ну, может, за исключением Франции, – шанс встретить убеждённого италофила едва ли не на порядок выше, чем человека, который итальянцев недолюбливает, не говоря уж – ненавидит. И за это Италия должна сказать спасибо в том числе и им, своим эмигрантам. Около восьмидесяти миллионов потомков которых ныне разбросаны по всем континентам, практически в два раза превосходя по численности население исторической родины.

Есть у эмиграции начало, нет у эмиграции конца. Исход из Италии продолжался на протяжении всего столетия. Не закончен он и сегодня. Только в наши дни страну в поисках лучшей доли покидают не крестьяне и низкоквалифицированные рабочие, а молодые учёные и интеллектуалы. Но этот поток, разумеется, уже не идёт ни в какое сравнение с той Великой эмиграцией, продолжавшейся вплоть до 1929 года. Что же сумело обуздать могучую людскую реку, воздвигнуть на её пути мощную плотину?

Для решения этой титанической задачи оказалось достаточно усилий лишь одного юного и весьма – до поры – скромного эмигранта, который в июле 1902 года пересёк швейцарскую границу, робко оглядываясь по сторонам и сжимая в руках чемоданчик, содержащий всё его нехитрое имущество.

Итак, что мы знаем о первых итальянских эмигрантах в Америке? Их было много, были они чрезвычайно бедны, находились в крайне враждебном окружении и обладали теснейшими родственными и общинными связями. Что это даёт? Правильно. Благоприятную среду для зарождения и развития организованной преступности.

Подчеркну: абсолютное большинство итальянцев оставалось законопослушными гражданами. Но всё же для некоторых соблазн оказывался слишком велик. Остальные же, пусть морально и осуждая сделанный ими выбор, не спешили сотрудничать с правоохранительными структурами новой жестокой и негостеприимной родины. Ибо полиция в их глазах не всегда отличалась от бандитов в лучшую сторону. Достаточно вспомнить вызвавшее негодование итальянской общины дело Николы Сакко и Бартоломео Ванцетти: их казнили на электрическом стуле за двойное убийство, якобы совершённое во время ограбления. И полностью реабилитировали полвека спустя. Собственно, вся их вина заключалась в том, что они родились итальянцами.

Мафия не была импортирована в США из Италии. Настоящим мафиози некогда было кататься на паромовых судах. Да и зачем? В тот момент, пользуясь неразберихой в стране, они увлечённо делили оставшуюся от Бурбонов собственность.

Италоамериканские криминальные синдикаты возникали и развивались автономно, произвольно заимствуя, впрочем, знакомую организационную модель и традиции поведения бандитов покинутой родины. Тут выяснилось, что каморристские замашки, отлично работавшие в Неаполе, совершенно не подходят для Нью-Йорка. Вспомним характерные черты Каморры: разобщённость и индивидуализм, расчёт на личную силу и доблесть, нарочитая демонстративность поступков. Здесь же, в Америке, едва завидя неаполитанца, осмелившегося разгуливать в костюме супергероя-каморриста, полицейские без разговоров волокли его в каталажку.

Мало того, это переставало работать и в самом Неаполе. В 1911 году окрепшая и набравшая силёнок конкурирующая организация – молодое итальянское государство – провела недружественное поглощение каморристского бизнеса. Самым примитивным способом: пересадав по пустяшному поводу – какое-то жалкое убийство – чуть ли не всех главарей многочисленных кланов.

Свято место пусто не бывает. На смену арестантам пришли новые бойцы. Но этому племени младому было уже не до супергеройствований, поскольку теперь ко всем заботам добавилась необходимость бегать от полиции. Каморра вырождалась, утрачивала традиции и принципы, постепенно превращаясь в совокупность обычных бандитских шаяк.

Сицилийская же мафиозная парадигма упала на благодатную почву. Унаследованная от предков-земледельцев приверженность общинным и семейным ценностям, уважение к старшим по возрасту и положению, недоверие к посторонним, привычка держать рот на замке и не возбуждать подозрений у тех, кто сильнее (пока сильнее) – вот что объединяло сицилийцев. А из единства – рождалась сила, мало-помалу позволившая им обрести власть над всем Нью-Йорком.

Это же способствовало их успеху в Италии. Увлечённое своими проблемами центральное правительство с удовольствием передоверило тихим, скромным и вежливым мафиози часть властных полномочий на периферийной Сицилии. Чем бы, мол, не тешились, лишь бы нас от головной боли избавили. Коза Ностра незаметно росла, обретала структурное единство и постепенно начинала подменять собой государство во всех сферах общественной жизни.

А потом родившиеся или выросшие в США гангстеры потянулись на историческую родину. Кто из сентиментальных побуждений, кто в поисках убежища от полиции или врагов, а кто – в надежде обрести новые деловые перспективы и возможности. Две мафии встретились.

И весьма друг другу понравились. У американцев были деньги и рынки сбыта, у сицилийцев – территория и полный контроль над ней. Через Атлантику протянулись первые мостики международного мафиозного экономического сотрудничества. Правда вот, возникла непредвиденная помеха.

Глава 3. Необыкновенный фашист

1904 год, Лозанна, Швейцария.

За столом в гостиной небольшой квартиры сидит женщина и читает газету «Искра». Дверь открывается, входит молодой человек.

– Ну наконец-то! – восклицает она. – Таки я уже начала волноваться!

– Проклятые империалистические милитаристы выпустили ордер на мой арест за уклонение от призыва. Пришлось усилить конспирацию. Нет войне!

– Миру – мир!.. – машинально подхватывает женщина. – Но не будем отвлекаться, продолжим наши уроки. Итак, как сказать по-немецки «пролетарии всех стран, соединяйтесь»?..

Её зовут Анжелика Исааковна Балабанова. Она из Чернигова, убеждённая феминистка и социалистка, большая подруга Клары Цеткин и Ленина. Впрочем, товарищ Балабанова – лишь эпизодический персонаж нашего рассказа.

А вот молодой человек... Что ж, знакомьтесь: нестигаемый борец за дело рабочего класса, потомственный пацифист, воинствующий атеист и начинающий журналист на пороге блестящей карьеры. Бенито Амилькаре Андреа Муссолини.

В социалисты Бенито подался не по своей воле. Его покусал собственный папаша. Он, папаша, трудился кузнецом в деревне Довиа, что в Эмилии-Романье, и любил встречать клиентов словами: «Добрый день, уважаемый эксплуататор-мироед, чем могу быть полезен?» Местная буржуазия не умела по достоинству оценить этот пролетарский порыв и спешила воспользоваться услугами других кузнецов. Поэтому семейство Муссолини жило бедно.

Сказывалось это и на юном Бенито. Одноклассники в школе дразнили и обижали его. Однако тот не унывал и уже с десятилетнего возраста обучился при всяком удобном случае выткать в обидчиков нож. За это учителя его ругали и даже оставляли на второй год.

При виде такого несовершенства мира Муссолини не закрыл очи. Наоборот: решил исправить систему изнутри и по окончании школы возжелал избрать карьеру учителя младших классов, дабы нести детишкам разумное, доброе, вечное. Но итальянскому государству не нужны были хорошие учителя. Ему требовались хорошие солдаты. Ни в одну школу на работу Муссолини не взяли, зато прислали рекрутскую повестку.

В Бенито боролись два противоречивых чувства. С одной стороны, служба в армии претила его твёрдым пацифистским убеждениям. С другой же – горячая итальянская душа требовала подвигов. В качестве компромисса Муссолини сформировал из себя армию одного человека и в июле 1902 года, без объявления войны, вторгся в Швейцарию. Швейцарские миграционные власти грудью встали на защиту рубежей родины. Но силы были неравны. Не успевали они в очередной раз выставить настырного гастарбайтера за дверь, как тот уже влезал в окно.

В перерывах между беготнёй от полиции и занятием вакансий дорожного рабочего и официанта Муссолини исхитрялся отправлять в газеты статьи, в которых обличал тяжёлое положение рабочего класса в целом и мигрантов в частности, требуя предоставления последним субсидий, дотаций и преференций. Бойкое перо начинающего журналиста привлекло к нему благосклонные взгляды местной интеллигенции. Профессорствовавший в Лозаннском университете Вильфредо Парето обучал его закону имени себя.

– Так это получается, – спрашивал у него Бенито, – что если каким-нибудь образом избавиться от бесполезных восьмидесяти процентов людишек, оставив лишь полезные двадцать, то наступление светлого социалистического будущего окажется уже не за Альпийскими горами?

– Слова не мальчика, – отвечал Парето, – но великого государственника!

Товарищ же Балабанова преподавала Бенито основы феминизма и немецкий язык, попутно разбив ему сердце. Придерживайся Анжелика Исааковна более традиционных взглядов на брак и семью, – история Италии, да и всего мира, могла бы сложиться совсем иным образом. Но увы... Огорчённый Бенито попытался найти утешение в тяготах и лишениях военной службы, с каковой целью в декабре 1904 года вернулся в Италию, где присоединился к берсальерскому полку.

Пару лет спустя, уволившись в запас, Муссолини наконец-то получил вожаемую должность школьного учителя. Деятельность его на этом поприще вызывала полярные оценки. С одной стороны, он пользовался большим успехом у детишек, которых учил атеизму и прочим запретным – но оттого не менее интересным – словам. С другой же – встретил горячее неодобрение родительского комитета. Тем паче что журналистику он вовсе не забросил, мало того, бумагомаранием не ограничивался, но активно участвовал в акциях прямого социалистического действия, типа организации забастовок и проведения несанкционированных митингов, периодически присаживаясь за это в тюрьму на пятнадцать и более суток.

По этой причине он был вынужден часто менять школы и переезжать с места на место. До тех пор, пока в феврале 1909 года судьба не занесла его в Тренто. Где мировоззрение Муссолини в первый, но далеко не последний раз сделало крутой поворот. Ибо там, в Тренто, водились ирредентисты.

Тут нужно пояснить политико-географическую ситуацию. Как мы уже знаем, Италия – государство очень молодое. На момент описываемых событий было ему всего-то около пятидесяти лет от роду. Ещё живы были те, кто воочию видел дней Гарибальдовых прекрасное начало. У остальных же – имелись даже не деды, а отцы, воевавшие за освобождение от иностранной оккупации. Потому национально-патриотические настроения в итальянском обществе, как, думается, и в большинстве новорождённых государств, были крайне сильны. Что же до Тренто, то его Гарибальди, увлечённый идеей фикс об освобождении Рима от пап, присоединить к Италии то ли не успел, то ли позабыл. А посему область Трентино—Альто-Адидже всё ещё входила в состав Австрийской империи под названием Южный Тироль.

Во времена приезда Муссолини большая часть тамошнего италоязычного населения хоть и ворчала слегка на австрийцев, но присоединяться к Итальянскому королевству не рвалась, полагая, что при австрийском владычестве есть какой-никакой ордунг и стабильность. Имелась, однако, пусть и малочисленная, но весьма шумная группа активистов, которая размахивала итальянскими триколорами и заявляла, что Тренто – это terra irredenta – «неискупленная», то есть не освобождённая ещё исконно итальянская земля. Вот они-то и именовались «ирредентистами».

Интересно, что сорок с небольшим лет спустя ситуация развернётся на сто восемьдесят градусов. По теперь уже итальянскому Тренто с криками: «Отдайте наш Зюдтироль!» – будут бегать другие активисты, немецкоязычные. И не просто бегать, а устраивать маленькую партизанскую войнушку со взрывами, перестрелками и трупами. Собственно, они и до сих пор там бегают, правда, стрелять прекратили в конце 80-х годов. Короче, не везёт как-то этому Тренто. Но вернёмся к нашей истории.

– Ага! – сказал себе свежеприехавший Муссолини. Сел за стол и в промышленных масштабах принялся строчить корреспонденции, в которых его обычные абстрактные и интернациональные капиталисты-эксплуататоры вдруг превратились во вполне конкретных «австрийских капиталистов-эксплуататоров».

– Ага! – сказали ирредентисты, ознакомившись с муссолиниевской писаниной. – Движение наше за национальное освобождение велико и обильно, но так хорошо ругать оккупантов в нём никто не умеет. Приходи, Бенито, и будь нашим вождём!

– Да я как бы не претендую, мне за державу обидно... – скромно шаркая ножкой, отвечал Муссолини. – Ну ладно, уговорили... Побуду немножко вашим Дуче, так уж и быть.

В общем, идея эта страшно понравилась всем заинтересованным сторонам. Кроме австрийских властей. Которые в сентябре всё того же 1909 года последовали доброму примеру швейцарских коллег и вышвырнули Муссолини из Тренто за антиправительственную агитацию. Тут уж возмутилась вся Италия. Негоже, мол, с нашими гражданами так обращаться! Что эти австрияки себе позволяют?!.. Дело о депортации Муссолини дошло аж до парламентских слушаний.

Из скромного заштатного журналиста Бенито в одночасье превратился в имеющего все-итальянскую известность патриота-государственника. На волне этого успеха он усилил свою антигосударственную деятельность, приобретая всё больший вес и влияние в Итальянской социалистической партии. Так, например, осенью 1911 года Муссолини активно участвовал в манифестациях против итальяно-турецкой войны за Ливию, которую именовал не иначе как, цитирую, «актом международного бандитизма», а итальянский государственный флаг обзывал «тряпкой, которую следует воткнуть в кучу навоза».

Такого отношения к государственной символике власти не стерпели и на год упекли его в каталажку. Но поскольку Муссолини был един в двух лицах – одновременно и антипатриот (см. «флаг») и патриот (см. «Тренто»), – суд высшей инстанции сократил срок наполовину. Да и вообще, из отсидки Бенито извлёк сплошные выгоды, ибо его антипатриотическая ипостась, а именно её, ипостаси, способность столь цветисто выражаться, – вызвала бурные восторги коллег-социалистов. Настолько бурные, что едва освободившегося Муссолини уже ждало тёплое местечко главного редактора газеты *Avanti!* – «Вперёд!», официального печатного органа всея Социалистической партии. Первым же распоряжением на должность своего заместителя свеженазначенный главред выписал из Швейцарии товарища Балабанову. Увы, но исторический шанс был вновь упущен. К тому моменту Бенито уже пару лет как сожительствовал со своей будущей женой, Ракель Гуиди. Так, в духе тихой семейно-рабочей идиллии, оно бы и продолжалось, если бы июльским днём 1914 года Гавриле Принципу не захотелось поохотиться на эрцгерцогов.

С началом Первой мировой войны в итальянском обществе развернулась широкая дискуссия на тему «стоит ли в неё, войну, влезать?» Будучи пацифистом старой закалки, Муссолини в статьях и высказываниях последовательно отстаивал тезис «мир хижинам – война дворцам!» Что вполне соответствовало общей политической линии социалистов. Пускай, мол, капиталисты там друг друга поубивают, нам, пролетариям, потом больше достанется.

Всё изменилось в октябре 1914 года. В «Аванти» появилась статья за подписью главреда Муссолини. Суть её была такова: «Вы знаете, я передумал. Война – это модно, прогрессивно, молодёжно! Глупые капиталисты дадут нам оружие, которым мы сначала поубиваем всех иностранных врагов, а потом, чтобы два раза не вставать, поубиваем и самих капиталистов». Социалистическая партия такому переобучению на ходу страшно удивилась, все бегали и вопрошали друг друга: «Что это за ерунда в нашей собственной газете?» Адресовать вопрос им стоило бы человеку по имени Шарль Дюма, французскому депутату, который по поручению французского правительства и вручил Муссолини ту самую ерунду в размере десяти миллионов франков, дабы тот слегка порекламирал вступление Италии в войну на стороне Антанты.

Но спросить Шарля никто не догадался, хотя упорные слухи, что Муссолини купили, ходили уже тогда. Всё ограничилось его вылетом из редакторского кресла «Аванти». Впрочем, расстроило это Муссолини не сильно, ибо предприниматель Филиппо Нальди, ещё один французский эмиссар, выдал ему денег на открытие собственной газеты *Il Popolo d'Italia* – «Народ Италии». Вас всё ещё удивляет, что итальянцы французов недолюбливают?..

В новой газете Муссолини продолжил с увлечением расписывать прелести и радости войны, а заодно – обрушился с критикой на недавних коллег-социалистов-пацифистов. Настолько обидной, что ещё один бывший главред «Аванти», Клаудио Тревес, не выдержал

и вызвал его на дуэль. Состоялась она в марте 1915 года. Рубились на саблях, аж целых двадцать пять минут. Тревес получил ранение предплечья, Муссолини – ранение уха. Обеспокоенные состоянием этого жизненно важного органа будущего Дуче, секунданты их растащили, хотя оба дуэлянта выражали горячее желание продолжать. Что характеризует их как мужественных, но совершенно не умеющих фехтовать людей. С целью повышения фехтовальных навыков расстроенный Муссолини добровольцем записался в армию. Благо в мае 1915 года Италия всё же объявила войну Австро-Венгрии. Пусть он там пока повоюет, а мы ненадолго вернёмся в октябрь 1914 года.

Когда речь заходит об этимологии слова «фашизм», традиционно вспоминают древнеримские ликторские фасции. Да, это верно. Но лишь отчасти. В итальянском языке слово *fascio* означает «связка, пучок, охапка». В более же широком смысле – «союз (людей), группа, ячейка». Впервые в этом значении *fascio* начали употреблять ещё в XIX веке. Так, например, существовали *Fasci siciliani dei lavoratori* – «Сицилийские союзы трудящихся» – организация, боровшаяся за права пролетариата. Сомнительно, что нищие сицилийские землепашцы испытывали пиетет перед древнеримской имперской эстетикой. Позднее термин стал общеупотребительным для обозначения радикальных групп вне зависимости от их политической ориентации и принадлежности.

Так вот, в октябре 1914 года появился манифест под названием *Fascio rivoluzionario d'azione internazionalista* – «Революционный союз интернационального действия». Ни к собственно фашистам в современном понимании этого слова, ни к фашистской эстетике он отношения не имел. Муссолини перестанет быть пацифистом лишь через две недели после его выхода в свет. Манифест был провоенным, а среди подписавших его находились представители левых профсоюзных и социалистических организаций. Отдадим Муссолини должное: он не был единственным переобувшимся. На основании этого программного документа в декабре 1914 года родилась организация под названием *Fascio d'azione rivoluzionaria* – «Союз революционного действия». Вот к её созданию уже активно подключился и осваивающий французские деньги Муссолини. Но это были всё ещё не фашисты, а социалисты и синдикалисты, только за войну. Да, позднее, в 1919 году, они практически в полном составе перетекут в *Fasci italiani di combattimento* – «Итальянский союз борьбы», переобувшись ещё раз, теперь уже в истинных фашистов, о чём мы поговорим ниже. Этим же запутанным абзацем я лишь пытаюсь сказать, что фашисты подогнали свою будущую эстетику под уже имевшееся слово, а не наоборот – придумали самоназвание исходя из эстетики. Ладно, вернёмся к нашему герою. Как-то ему там воевалось с австрийцами?

А воевалось ему весело и задорно. Во всяком случае, такой вывод можно сделать из его собственных фронтовых корреспонденций. Стиль и содержание которых способен с лёгкостью представить любой из читавших «Бородино» Лермонтова. Есть там и «да, были люди в наше время...», и «не смеют, что ли, командиры чужие изорвать мундиры...», и «полковник наш рождён был хватом...», и «вам не видать таких сражений...», и даже «забил заряд я в пушку туго», поскольку Муссолини был миномётчиком. Увы, но миномёт его, как и соответствующая мина, были сделаны в Италии. И потому кончилось это плохо: туго забитый заряд рванул прямо в ствол.

Раненный итальянской промышленностью в ногу (буквально) и в сердце (фигурально) Муссолини оказался в госпитале. Там поверженный герой удостоился визита короля Витторио Эмануэле Третьего. Внимание, не путать с его дедом, Витторио Эмануэле Вторым, которого мы встречали в главе о Гарибальди! Этот новый Витторио – мало того что не обладал столь же замечательными усами, так и вообще был плохим, никудышным королишкой. Приезжал он не лично к Муссолини, а просто в госпиталь и потому вряд ли запомнил ту первую встречу.

Но вот Бенито встречаться с монархом понравилось, и он решил предпринять все возможные шаги к скорейшему возобновлению знакомства.

В июне 1917 года излеченный и демобилизованный Муссолини вернулся к руководству «Народом Италии». И принялся штамповать статьи о том, что лишь раненные на германских фронтах герои достойны называться будущей элитой и правящим классом страны. Впрочем, отдадим должное: жадным он не был и стремился предоставить место в элите как можно большему числу соотечественников. Читай: отправить их всех на фронт. Для этого же война должна была продолжаться так долго, как это вообще возможно.

– Йес, йес! – соглашался с ним глава римской резидентуры английской разведки МИ-5 и будущий министр иностранных дел Великобритании Сэмюэл Хор. – Вы есть рекламировать война, а мы есть давать вам за это сто английский фунт в неделя!

– Хочешь мира – готовься к войне! – поддакивали жиреющие на военных контрактах итальянские промышленники и вытаскивали из карманов бумажники.

Необходимость как-то оправдаться перед собой за то, что он эти деньги охотно брал, вынудила Муссолини переобуться в очередной раз. В либерала и ревнителя свободы слова. Он писал, цитирую: «Прежде всего, мы – либералы, то есть люди, которые любят свободу для всех, в том числе и для противников. ... Мы сделаем всё возможное, дабы предотвратить цензуру и сохранить свободу мысли и слова, кои представляют собой одно из величайших достижений человеческой цивилизации». Конец цитаты.

Красиво сказано, да. Но чего-то подобного – это вам любой заштатный либералишка легко наплетёт с три короба. Матёрый же либералище Муссолини – не просто говорил. Он действовал.

В марте 1919 года в Милане, на площади Сан-Сеполькро, состоялась презентация организации под названием «Итальянский союз борьбы», которую мы уже мельком упомянули выше. По подсчётам самого Муссолини, в тот день на сходке присутствовало человек пятьдесят. Впрочем, цифра эта имела тенденцию каким-то магическим образом постоянно расти. К 30-м годам уже несколько сотен человек клятвенно заверяли, что и они тоже вышли на площадь в тот назначенный час. Статус «сансеполькрита» стал очень модным. Ибо там, на Сан-Сеполькро, и родился итальянский фашизм в том виде, в каком мы его знаем и не любим. На стражу демократии и гласности встал созданный Муссолини легион боевиков-чернорубашечников. Защита свободы слова началась с нападения на редакцию «Аванти» и её разгрома. Под предлогом же опасности «красной контратаки» Муссолини принялся в промышленных масштабах завозить в редакцию «Народа Италии» оружие и взрывчатку.

В ноябре 1919 года прошли парламентские выборы. Участвовавшие в них фашисты не смогли провести ни одного депутата. Даже в Милане, где баллотировался сам Дуче, они получили только четыре тысячи шестьсот семьдесят пять голосов. По зрелом размышлении Муссолини пришёл к выводу, что народ просто не улавливает разницу между ними, фашистами, и социалистами. Собственно, в этом не было ничего удивительного. В январе 1921 года от Социалистической партии откололось самое левое крыло, образовав Итальянскую коммунистическую партию. Заметно поправевшие в результате раскола социалисты теперь могли смотреться в фашистов буквально как в зеркало. Да и от коммунистов, честно говоря, фашисты отличались в основном лишь источником финансирования. Сила ночи, сила дня... Ну, вы в курсе.

Нужно было что-то менять. И Муссолини переобулся ещё раз. Он заявил:

– Не хочу больше защищать интересы немых пролетариев, а желаю отстаивать интересы крупного, среднего и мелкого капитала!

– И каких же образом ты нам собираешься помогать? – поинтересовались крупные, средние и мелкие капиталисты.

– А вот, скажем, будут у вас проблемы с профсоюзами, – отвечал Муссолини, – забастовки там, всё такое... Так мои парни подъедут и...

– Заткнись и возьми наши деньги! – сказали капиталисты.

Как известно, лучший надсмотрщик – бывший раб. Ядро же сансеполькрисстов состояло из бывших профсоюзных активистов и синдикалистов. Уборщицы не успевали сметать в кучи выбитые левацкие зубы, а деньги в партийную кассу потекли рекой.

Дела шли столь успешно, что в преддверии следующих парламентских выборов фашисты получили приглашение вступить в электоральный антисоциалистический «Национальный блок», состоявший из либералов, националистов, представителей некоторых других правых сил, а теперь ещё – и фашистов. На выборах 1921 года блок продемонстрировал неплохие результаты: сто пять избранных депутатов, из них тридцать пять – фашисты, включая и самого Муссолини. Обретя депутатскую неприкосновенность, тот стесняться перестал и окончательно спустил чернорубашечников, получивших к тому времени имя «сквадристы» (от squadra – «команда»), с цепи. Градус уличного насилия резко вырос. Поскольку же всегда приятнее быть среди тех, кто бьёт, чем среди тех, кого бьют, – ряды сквадристов стремительно множились.

Количество, впрочем, не всегда соответствовало качеству. В своей предыдущий реинкарнации Муссолини слишком уж заигрался в либерализм и свободу слова, предоставив её в том числе и собственным последователям. Чернорубашечное войско начало роптать – мол-де, Дуче-то ненастоящий, нету в нём истинной силы – и даже частично взбунтовалось. К счастью, инцидент удалось замять путём переговоров. Дабы такого не повторилось в будущем, Муссолини провёл масштабную реорганизацию своего хозяйства: в ноябре 1921 года «Итальянский союз борьбы» был преобразован в Partito Nazionale Fascista – «Национальную фашистскую партию».

Не ограничиваясь административными мерами, Муссолини перешёл к наглядной демонстрации того, что он действительно Дуче, а не тварь дрожащая. Переформатированные согласно принципу единоначалия отряды чернорубашечников росли, обучались и вооружались. Началась подготовка к фашистской революции. Благо в феврале 1922 года премьерский пост занял Луиджи Факта, правитель слабый и даже не лукавый. Сквадристские отряды беспрепятственно заходили в муниципалитеты итальянских городов и выкидывали обитающих там чиновников на улицу. Не видя адекватной реакции правительства, левые пытались отвечать акциями протеста. Это не только не помогало, но даже скорее мешало. Так, например, в разгар забастовки миланских трамвайщиков сквадристы ворвались в депо и силой заставили бастующих выйти на маршруты, снабдив трамваи табличками «Бесплатно. Подарок от фашистов».

В октябре 1922 года, принимая в Неаполе парад из сорока тысяч чернорубашечников, Муссолини заявил о праве правых править Италией. И пришёл к выводу, что настала пора возобновить столь приятное его сердцу знакомство с королём. Начался Марш на Рим. Со всех концов страны к столице выдвинулись походные колонны фашистов. По разным оценкам, от тридцати до трёхсот тысяч человек. Путь был неблизким, потому шли они почти неделю. Сам Муссолини в это время отсиживался в глубоком тылу, в Милане.

Король был поставлен перед необходимостью принимать какое-то решение. Премьер-министр Факта и генерал Пьетро Бадольо советовали ему объявить военное положение. Бадольо утверждал, что вся история закончится с первым же ружейным залпом, и запрашивал соответствующих полномочий. Вряд ли генерал ошибался. Войска были верны королю. Народ был верен королю. Мало того, даже сами чернорубашечники были верны королю. То, что они были фашистами, вовсе не мешало многим из них, включая представителей командной верхушки, по совместительству быть ещё и монархистами. Если бы король даже не приказал стрелять, а хотя бы просто сказал «баста!» – велика вероятность, что все развернулись бы и споккойно пошли по домам.

Вместо этого Витторио Эмануэле – Третий, не Второй, не путайте! – начал торговаться с Муссолини, предлагая тому пост министра иностранных дел. Я же предупреждал, что это был плохой, негодный король. Предыдущий Витторио Эмануэле – Второй, не Третий! – не испугался силой оружия остановить аж самого маршировавшего на Рим Гарибальди. Вот какое влияние размер усов может оказать на судьбы державы. Отсюда мораль: будете выбирать короля – выбирайте как можно более усатого.

Иностранными делами Муссолини заведовать не пожелал. Тут, как назло, к королю бежали крупные, средние и мелкие капиталисты и зашептали тому на ухо: мы, мол, Бенито, давно знаем, он порядок в стране наведёт. Старательно обходя вниманием тот факт, что едва ли не основной причиной текущего беспорядка являлся всё тот же Бенито. Короче говоря, Витторио Эмануэле поручил Муссолини сформировать коалиционное правительство.

Не поймите неправильно. В тот момент Муссолини ещё не достиг абсолютной власти. Хотя сам он и похвалялся, что не присвоил диктаторские полномочия исключительно в силу огромной личной скромности, но фашистская революция власть не взяла. Её фашистам просто подарили, поленившись связываться. Разумеется, уже и одно это являлось колоссальным успехом. Однако в тот момент в Италии всё ещё сохранялся работоспособный парламент. При утверждении кандидатуры Муссолини на должность премьер-министра депутатские голоса разделились в пропорции триста шесть «за» на сто шестнадцать «против». Другими словами, о единодушной поддержке речи не шло.

Осознавая недостаточную устойчивость своего положения, Муссолини начал готовиться к следующим выборам. Для чего приступил к развлечению итальянского народа маленькими – даже скорее крошечными – победоносными войнушками.

В августе 1923 года на границе Греции и Албании греками была по ошибке расстреляна итальянская военная миссия, занимавшаяся, в соответствии с международным соглашением, демаркацией границы. В ответ Муссолини послал в Ионическое море четыре броненосца, которые после непродолжительной бомбардировки оккупировали остров Корфу. Греческое правительство выплатило репарации и контрибуции, и победоносная итальянская эскадра отбыла восвояси.

В январе 1924 года был подписан договор между Италией и Югославией, закреплявший аннексию в пользу Италии города Фиуме (современная Риека). Собственно, заслуги Муссолини в этом не было, поскольку ещё в 1919 году Фиуме захватили дезертиры из итальянской армии под предводительством поэта Габриэле Д'Аннунцио. Так что было достаточно просто зафиксировать этот факт на бумаге.

В июле того же года Муссолини одержал новую победу. Джубаленд вышел из состава Занзибара вошёл в состав Сомали. В переводе с дипломатического языка это означало следующее: маленькая и дремучая британская колония превратилась в колонию итальянскую. По правде сказать, никто за неё даже не воевал, её просто купили за двадцать пять тысяч фунтов сразу и тысячу в год сверху. Но какая разница? Ведь никто не мешал Муссолини сообщить вверенному народу, что держава-то наша – ого-го! Растёт и ширится!

Вверенный народ, в свою очередь, был приятно удивлён столь очевидными международными успехами нового энергичного лидера. Настолько приятно, что на выборах в апреле 1924 года блок Муссолини получил 64,9% голосов избирателей. Правда, этому способствовал ещё и некоторый административный ресурс, включавший избияния оппозиционных кандидатов, погромы в газетных редакциях и типографиях, разгоны собраний и манифестаций, а равно и другие продукты трудовых фашистских будней.

Но избранный парламент всё ещё не был чисто профашистским. В мае 1924 года депутат от социалистов Джакомо Маттеотти выступил с докладом, в котором изобличал злоупотребления фашистов во время выборов и требовал отмены их результатов. Десять дней

по этому поводу шли жаркие парламентские баталии. Затем повестка дня изменилась. Социалисты больше не спрашивали, куда делись украденные у них голоса. Теперь они интересовались: а куда делся Маттеотти? Тело пропавшего депутата обнаружилось лишь через несколько недель. Покрытое многочисленными ножевыми ранениями. И это едва не стоило Муссолини карьеры. Мёртвый Маттеотти оказался на порядок более опасным противником, нежели Маттеотти живой.

Совет на будущее: если вдруг доведётся вам стать фашистским диктатором – никогда не приступайте к политическим убийствам, не задушив предварительно оппозиционные средства массовой информации. В противном случае – рискуете нажать кучу проблем на свою голову. Что и произошло с нашим героем.

Причина убийства Маттеотти была столь очевидна, что никто даже не пытался её скрывать. Более того, довольно быстро поймали и убийц, троих членов Фашистской партии, которые клятвенно заверяли, что действовали по собственной инициативе. Чему не поверил никто, включая самих фашистов. Умеренные партийцы массово сдавали партбилеты. Отставки попросили даже некоторые министры собственного муссолиниевского кабинета. Оппозиционные депутаты в знак протеста ушли из парламента. Коммунисты с криками «за Маттеотти!» убили фашистского депутата Казалини. Радикальное крыло фашистов возмутилось: чего это, дескать, коммунистам теперь можно, а нам нельзя? И снова завело старую шарманку про «Дуче-то ненастоящий!» Начались массовые уличные столкновения. Вся Италия, от мала до велика, целыми днями бегала, орала и чего-то беспрестанно требовала от бедняги Муссолини, у которого от расстройства при виде такого бедлама даже открылась язва. Король же вместе с вверенными ему вооружёнными силами, напротив, взял на себя традиционные функции народа. А именно: безмолвствовал.

Муссолини, впрочем, тоже выжидал. Дождавшись же, пока все набегаются, выпустят пар и выдохнутся, в январе 1925 года выступил в парламенте с речью о том, что если кто-либо всерьёз считает его виновным в убийстве Маттеотти, то пусть возьмёт верёвку и повесит его, Муссолини, прямо здесь и сейчас, в этом зале. Вешателей, однако, не нашлось. Откуда ж им было взяться, если оппозиция парламент покинула? Постановив таким образом считать себя оправданным по всем пунктам обвинения, Муссолини дал отмашку к началу широкой кампании по контролю над прессой и посадкам различного рода активистов. Под замес по наведению порядка попали все, без разделения на своих и чужих. Нельзя сказать, что это далось Муссолини так уж легко. В 1925—1926 годах на его жизнь покушались как минимум четырежды. Наиболее тяжёлое ранение нанесла ему англичанка Виолет Гибсон, умудрившаяся с близкого расстояния поразить из револьвера выдающийся нос диктатора. Что даже не отбило у него политического нюха. Остальные же горе-террористы и вовсе стреляли и бросали бомбы чуть ли не в противоположную от цели сторону.

Но именно в те года – не во времена Марша на Рим, не под «хрум-хрум!» ботинок чернорубашечников, не на улицах, а под скрип перьев чиновников в тиши кабинетов – и свершалась настоящая фашистская революция. Муссолини, как опытный любовник, завоёвывал Италию не силой, а лаской.

Энцо Бьяджи, один из величайших итальянских журналистов XX века, человек, которого даже злейший враг не смог бы обвинить в излишних симпатиях к фашизму и фашистам, писал:

«Муссолини был гигантом. Я расцениваю его политическую карьеру как шедевр. Если бы он не увлёкся войной бок о бок с Гитлером, то спокойно умер бы в своей постели, воспеваемым и почитаемым. Итальянский народ по единодушному согласию был счастлив жить под его управлением».

Весной 1925 года вышли в свет законы, предусматривавшие новый обязательный порядок заключения трудовых договоров и значительно расширявшие права трудящихся. Был

введён строгий контроль за условиями труда женщин и несовершеннолетних. Появился специальный орган, призванный развивать физкультуру и массовый спорт, обеспечивать интеллектуальный досуг рабочих и служащих. Позднее, в 1933 году, впервые в итальянской истории возникнет и государственная пенсионная система.

Сейчас поверить в эту трудно, но до Муссолини Италия, аграрная страна с идеальным климатом, умудрялась жить впроголодь. Зависимость же от импорта продовольствия приводила к перманентному дефициту национального бюджета. В июне 1925 года Дуче объявил о начале «Битвы за пшеницу». Нет, никакой кампанейщины с распахиванием целины и охотой на воробьёв. Комплекс мер, базирующийся на передовых в тот момент разработках профильных научно-исследовательских институтов: проведение селекции, внедрение использования удобрений, техническое перевооружение отрасли, в том числе путём предоставления целевых кредитов мелким хозяйствам, обучение крестьян современным методам земледелия. Всего за семь лет от начала программы по сборам зерна с гектара Италия вышла на первое место в мире, в буквальном смысле догнав и перегнав Америку, предыдущего лидера по этому показателю. Справедливости ради чудом это не было. Муссолини всего лишь вывел урожайность на уровень, нормальный для природно-климатических условий страны. Другой вопрос, что до него подумать об этом никто не сподобился. В результате удалось почти вдвое снизить зависимость от импорта и заткнуть дыру в бюджете.

Были, впрочем, в фашистской аграрной политике и ошибки. Так, например, пшеница сильно потеснила в структуре производства другие зерновые культуры и мясо-молочные продукты. В том, что сегодня в меню итальянских ресторанов вы видите пасты и пиццы, а не супы и каши – отчасти виноват Муссолини. Но в целом, с точки зрения обычного итальянца, – еда стала дешевле, еда стала калорийнее.

В октябре 1925 года Муссолини отправил в Палермо спецуполномоченного Чезаре Мори, поставив перед ним задачу окончательного решения мафиозного вопроса. Тот, не особо заботясь о всяких мелочах, типа улики и доказательств, начал методично отправлять преступников в тюрьмы. Чего там доказывать, если на Сицилии и так каждая собака знает, кто тут мафиози, а кто нет? Существует, правда, мнение, что верхушка Коза Ностры благополучно поимки избежала, вовремя слившись в одно целое с высшим эшелоном фашистов. Но в любом случае это была самая эффективная антимафиозная операция в итальянской истории.

В 1928—1932 годах была воплощена программа по осушению болот. Что, в комплексе с созданием эффективной государственной системы здравоохранения привело к существенному снижению заболеваемости туберкулёзом, оспой, бешенством и прочими пакостями.

Муссолини мы обязаны даже тем, что сегодня в Италии все говорят по-итальянски, а не на сотнях собственных диалектов, как предпочитали делать до него. Журналист по профессии, важнейшим из СМИ он полагал радио. А кинематограф, как социалист-ленинист по происхождению, – важнейшим из искусств. В результате, дабы понять, что же там лопочут дикторы и актёры, всей Италии пришлось садиться за парты и учить собственный язык.

Спросите любого современного итальянца, что он думает о Муссолини. Наряду с самыми полярными оценками, вне зависимости от политических убеждений вашего собеседника, вы практически неизбежно услышите одну и ту же фразу: «Это был человек, при котором поезда ходили по расписанию». И ежели доводилось вам пользоваться услугами тамошних железных дорог, думаю, согласитесь, что это весьма лестная для него эпитафия. В общем, жить при Муссолини действительно стало лучше, жить стало веселей. До поры, впрочем.

В этих же 1925—1926 годах были приняты и так называемые *Leggi fascistissime*. Дословно это означает... ммм... как образовать превосходную степень от прилагательного «фашистские»?.. Фашистейшие? Короче говоря, – сверхфашистские законы.

Во-первых, теперь Муссолини официально именовался *Capo del governo primo ministro segretario di Stato*, что по смыслу соответствует чему-то вроде «Наиглавнейший президент пре-

мьер-министр адмирал-генерал». Отныне он не подчинялся вообще никому, кроме короля. Поскольку же о профессиональных качествах этого короля мы уже слышаны, обстоятельство это можно было смело не принимать во внимание.

Во-вторых, запрещались любые забастовки и профсоюзная активность в целом, за исключением официальных фашистских профсоюзов. Вводилась цензура средств массовой информации. Политические партии и общественные организации, представляющие опасность для государственного строя, подлежали роспуску и запрету. Поскольку же в стране имелась одна-единственная партия, которая априори не представляла опасности для фашистского режима – собственно Фашистская партия – она и осталась единственной разрешённой.

В-третьих, поменялось избирательное законодательство. Выборы в парламент теперь выглядели так: Большой фашистский совет под председательством Муссолини вырабатывал список кандидатов на весь парламент сразу, а гражданам предлагалось этот список либо одобрить, либо нет.

Ну и плюс всякое по мелочи: смертная казнь за антигосударственную деятельность, учреждение секретной полиции и тому подобное. Вот теперь Муссолини стал полноценным диктатором.

Народ, однако, вовсе не роптал: на выборах в марте 1929 года список кандидатов в парламент, утверждённый Большим фашистским советом, получил одобрение 98,4% избирателей при явке в 90%. Так некоторое время и жили. Детей растили, землю пахали, дома и заводы строили, Дуче любили. В общем, – хорошая жизнь. Живи, Бенито, да радуйся!

И всё бы хорошо, да что-то нехорошо. Лёг однажды, в декабре 1934 года, Муссолини спать. Но не спится ему – ну никак не засыпается. Вдруг слышит он на улице топот, у окон – стук. Глянул Бенито, и видит он: стоит у окна всадник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.